

Василий Кузьменко

*Право Рима.
Константин*

Василий Кузьменко
Право Рима. Константин

«Издательские решения»

Кузьменко В.

Право Рима. Константин / В. Кузьменко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857087-2

Сделав христианство государственной религией Римской империи и борясь за её чистоту, император Константин невольно встал у истоков православия.

ISBN 978-5-44-857087-2

© Кузьменко В.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	20
Глава III	35
Глава IV	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Право Рима. Константин

Василий Кузьменко

*Продолжение повествования
начатого в книге
«Право Рима. Марк Флавий».*

© Василий Кузьменко, 2019

ISBN 978-5-4485-7087-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Император Марк Аврелий Валерий Максенций прогуливался возле своего дворца в Риме. Он наслаждался тёплым солнечным утром и обдумывал, как лучше отпраздновать свою победу в Африке. Вчера поздно вечером он получил сообщение от Гая Руфина Волузиана, что мятежный викарий Луций Домиций Александр мёртв. Римская провинция Африка снова была в его подчинении, но самое главное, монетный двор Карфагена и всё его золото через две недели будут доставлены в Остию. Небеса, как и предсказывали оракулы, благоволили ему, императору Рима. Максенций довольно улыбаясь, остановился полюбоваться на открывшийся прекрасный вид Форума. Там внизу опять гуляли люди, поставки зерна из Африки возобновились, голод в Риме закончился. В это время к нему подошёл офицер преторианец из личной охраны и подал свиток.

– Только что доставили из Никомедии, мой император, – доложил офицер.

– От кого? – спросил Максенций.

– От августа Галерия!

– Хорошо, – произнёс император и кивком головы отпустил офицера.

Максенций дошёл до небольшой беседки увитой диким виноградом и присев на лавочку стал читать. Это был указ старшего августа Римской империи о прекращении гонений на христиан. Прочитав его, Максенций задумался. Три года назад на совещании тетрархов в Карнунте его объявили узурпатором, и теперь этот указ, который Галерий предписывает исполнить всем августам и цезарям империи. Прислав ему для исполнения этот указ, Галерий тем самым признаёт его императором Рима. Сам Галерий, расположения которого он так долго и тщетно искал! Максенций улыбнулся этой своей мысли. Да, оракулы были правы, Боги стали на его сторону. В это время к нему опять подошёл офицер личной охраны и доложил:

– Мой император, к вам вновь назначенный епископ Мильтиад.

– Очень хорошо, зови, – кивнул Максенций.

Офицер ушёл и через некоторое время к нему подошёл седой благообразный старик в тёмной сутане с серебряным крестом.

– Епископ Мильтиад, – назвал он своё имя.

– Доброго здоровья епископ, – без улыбки произнёс Максенций, не вставая, – вы весьма вовремя, я уже устал усмирять вашу паству.

– Приветствую вас император, – произнёс епископ, глядя в глаза Максенцию, – иногда христиане ведут себя как дети, потому что и являются детьми Божиими.

– Не знаю, не знаю, но бьют они друг друга очень жестоко, моим преторианцам уже не раз приходилось разнимать их, разберитесь, наконец, в своей вере, кто прав, а кто отступник. Ваши предшественники Марцелий и Евсевий не смогли этого сделать и даже сами спровоцировали поножовщину.

– Я разберусь, мой император, – ответил епископ с лёгким поклоном.

– Хорошо, – кивнул Максенций, – а теперь прочтите этот указ старшего августа Римской империи, – произнёс император и подал свиток епископу.

Епископ Мильтиад внимательно читал указ и как мог, сдерживал свою радость. Всё это время Максенций пристально наблюдал за реакцией епископа. Внешне ему понравился этот сдержанный, немногословный священнослужитель всем своим видом выражающий спокойное достоинство. Вот и сейчас он почти не подал виду своей огромной радости этому указу.

– Это самый счастливый день в жизни церкви за последнюю сотню лет, – произнёс епископ, и, вернув свиток Максенцию, перекрестился.

– Вы получите копию этого указа после его оглашения Сенату!

– Я думал, что указ старшего августа Римской империи уже не требует какого-либо утверждения, а лишь неукоснительного исполнения, – с достоинством сказал епископ.

– Указ подписан в Никомедии, а мы с вами находимся в Риме, столице империи, и это не утверждение, как вы говорите, а всего лишь оглашение указа в соответствии со статутом, – с лёгким раздражением ответил Максенций, – указ вступит в силу после его оглашения от имени Сената.

– Я всё понял мой император, – невозмутимо с лёгким поклоном произнёс Мильтиад, – разрешите откланяться?

– Да, идите и успокойте свою паству, – кивнул Максенций.

Епископ удалился. Максенций ещё раз перечитал указ и снова задумался.

Диоклетиан, проводя свои государственные преобразования, существенно снизил роль Сената в управлении империей. Он стал называть себя доминатом – господином, а не принципсом – первым из сенаторов. Роль Сената при нём была низведена до уровня городского совета, потому что он, как и все последние императоры, по происхождению был из провинции, а не из высших слоёв римского общества. Будучи ещё сенатором, Максенций прекрасно чувствовал настроение аристократических слоёв римского общества. Флавий Север издал указ о налогообложении римлян, совершенно не учитывая этого настроения. Сенаторы были возмущены и с этим вышли к народу. И когда императорские чиновники пришли взимать налоги с римлян, возникли волнения. Преторианская гвардия, к этому времени весьма ограниченная в своих полномочиях и денежном содержании, поддержала возмущённых граждан. Максенций, как сына императора Максимиана Геркулия, возглавил народные возмущения, и римляне объявили его своим императором, но в отличие от Диоклетиана он всегда называл себя только принципсом, первым из сенаторов. Вот и сейчас, Максенций был намерен указ Галерия вынести на обсуждение в Сенат и там, именно там, окончательно решить что делать. Его размышления опять прервал преторианец, который доложил о прибытии сенатора Нумерия Тулиуса, которого Максенций сам вызвал для разговора.

– Приветствую тебя, мой император! – поздоровался сенатор с лёгким поклоном.

– Здравствуй Нумерий, проходи, ты как раз вовремя, – улыбнулся Максенций, жестом приглашая сенатора присесть в тени беседки.

– Значит, разговор будет долгим, – ответил Нумерий, слегка улыбнувшись и сел напротив императора.

– Ты быстро возобновил поставки зерна из Африки, – начал разговор Максенций.

– Интересы Рима для меня превыше всего, – улыбнулся Нумерий, – но ты ведь не для этого меня вызывал?

– Ты прав, вот почитай, только что получил, меня интересует твоё мнение, – Максенций передал свиток сенатору.

– Что это?

– Указ Галерия!

– И он прислал его тебе?

– Не только мне, всем августам и цезарям империи, – улыбнулся Максенций.

– Он что признал тебя законным августом, – удивлённо спросил Нумерий.

– Ты читай, читай, – усмехнулся император.

Нумерий внимательно прочитал указ и посмотрел на Максенция, тот, кивнув на свиток, спросил:

– Как тебе, после стольких лет гонения и самых жестоких указов и такое?

– Думаю, что скоро мы получим ещё одно известие из Никомедии, – ответил Нумерий, отдавая свиток.

– Думаешь, вообще-то он сильно болеет, – задумчиво произнёс Максенций.

– Иногда перед смертью люди кардинально меняют свои мнения.

– Только вот в какую сторону, лучшую или худшую?

– Ты меня, поэтому и позвал, чтобы узнать в какую сторону тебе самому повернуть!

– У тебя по всей империи своё дело, везде свои люди, кто лучше тебя знает, как и где общество к христианству относится, – улыбнулся Максенций.

– Несмотря на все гонения, именно на востоке христиан гораздо больше, чем на западе, но ты ведь не о них беспокоишься? – ухмыльнулся Нумерий, – а что ты в принципе намерен с этим указом делать?

– Первое, что я сделаю, это объявлю его Сенату.

– И это правильно, если Галерий разослал свой указ всем августам и цезарям Римской империи, и при этом включил тебя в этот список, то фактически он признал тебя правителем Рима и первыми об этом должны узнать сенаторы.

– Мне всегда нравился твой быстрый ум Нумерий, – широко улыбнулся Максенций, – именно об этом я и думал.

– Могу тебя обрадовать, насколько я знаю, среди сенаторов нет христиан, во всяком случае, я лично таковых не знаю, – продолжил Нумерий.

– Хорошо Нумерий, с Сенатом всё ясно, а как мне быть с остальными августами и цезарями?

– Первое что надо сделать, это заручится поддержкой Максимиана Даза.

– Это понятно, а что с Константином и Лицинием?

– Думаю, что они тебе пока не соперники.

– Почему?

– Константин слишком занят сражениями с варварами на Рейне, а Лициния и так всё устраивает, – усмехнулся Нумерий.

Максенций довольно улыбался. Всё о чём ему говорил Нумерий, практически полностью совпадало с его собственными размышлениями.

Нумерий смотрел на довольно улыбающегося Максенция, и вспоминал свой недавний разговор с прокуратором Тиберием Гаем Луциусом. Они встретились, по понятным причинам, ночью, тайно, в предместье Рима. В самом Риме было полно преторианских шпионов. Тиберий ещё раз поблагодарил его за спасение своей семьи от притязаний Максенция. Прокуратор, получив от Нумерия письмо, смог переправить жену и детей в Испанию, куда теперь сам и собирался. Нельзя сказать, что они стали уже друзьями, во всяком случае, из соперников превратились в единомышленников. Тиберий много рассказывал ему об императоре Константине, пребывая в крайнем убеждении, что именно Константин является наиболее достойным из всех нынешних правителей империи. Нумерий внутренне был с ним полностью согласен. Хорошо зная Максенция и Максимиана Дазу, которые, получив под своё управление части великой империи, были не способны сделать что-либо для её дальнейшего развития в целом, и поэтому даже не стремились к этому. Константин был храбрый воин, дальновидный политик, в отличие от всех остальных августов и цезарей, он единственный весьма лояльно относился к христианству в своих провинциях, несмотря на все организованные гонения. Если даже Галерий, безусловный гонитель христиан во всей империи, вынужден был признать всё возрастающую роль этой религии в жизни римского общества, то значит христианство, как явление, становилось вызовом времени для дальнейшего существования Римской империи.

– Так что ты мне посоветуешь? – прервал Максенций размышления Нумерия.

– Я думаю, что не следует спешить с исполнением указа Галерия.

– Но ведь я уже показал его епископу Мильтиаду, – с сомнением произнёс Максенций.

– Даже в своей среде христиане никак не могут выяснить, кто из них стоит ближе к их Богу, думаю, что этот указ вызовет у них очередную волну разборок, ты можешь использовать это в своих интересах, – улыбнулся Нумерий.

Максенций пристально посмотрел на сенатора. Он всегда поражался этой его способности объединять различные события, явления, ставить их в выгодную для себя плоскость:

– Хорошо, я тебя понял, – кивнул он Нумерию, – я хочу вынести на Сенат ещё один вопрос.

– Какой?

– Мне кажется, что Гай Руфина Волузиана достоин триумфа!

– Я слышал о его победе, – улыбнулся Нумерий.

– Если Сенат утвердит триумф, мне следует решить, кому доверить его организацию!

– Мне кажется правитель Рима примет правильное решение!

– Можешь в этом не сомневаться, – улыбнулся Максенций.

– На этой, обоюдно приятной ноте я закончу свой визит мой император, – с лёгким поклоном произнёс Нумерий.

Максенций с улыбкой кивнул сенатору и на этом они распрощались.

Скора проснулась от мягкого прикосновения. Это Марк водил пёрышком по её губам и щёчкам. Скора чуть-чуть приоткрыла глаза и увидела слегка улыбающееся лицо мужа. Она неожиданно обняла его и прижала к своей груди. Марк начал требовательно гладить руками её тело.

– Я люблю тебя, – услышала Скора шёпот у своей груди.

– И я тебя люблю, – улыбаясь, тихо ответила она.

– Дети ещё спят, – начал намекать Марк, продолжая возбуждать её своими руками и целуя ей грудь.

– Марк, нет, вдруг Злата проснётся, – продолжая улыбаться и слабо сопротивляясь, отвечала Скора.

– Мы тихо-тихо, – распаяясь, жарко шептал Марк, задирая ей ночную рубашку.

В это время негромко прозвучал ангельский голосок:

– Мама, а что папа делает? – Злата стояла в своей кровати в углу спальни и с удивлением смотрела на родителей.

– Ты проснулась солнышко? – смущённо спросила Скора, накинув одеяло на грудь и стукнув Марка по спине, – а папа ещё спит.

Марк замер у груди жены и потихоньку стал одёргивать её ночную рубашку.

– А почему он спит у твоей тити? – продолжала дочка.

– Просто он так уснул, – ответила Скора и под одеялом у лица Марка сжала кулак.

– Мама, я хочу титю, – попросила Злата.

– Доченька, ты же уже большая!

– Ну и что, папе можно, а мне нельзя, – дочка начала тереть кулачками глазки, явно собираясь захныкать.

– Злата, тебе всё приснилась, сейчас я разбужу папу и возьму тебя, – быстро произнесла Скора, ткнув рукой в одею, где был Марк.

– Ой, как я хорошо спал, – произнёс Марк, вылезая из под одеяла притворно потягиваясь.

Скора встала, и одёрнув ночную рубашку, подошла к дочери:

– Ну, иди ко мне солнышко моё.

Взяв дочку из кровати, она вернулась в постель. Марк в это время поднял её подушку повыше. Скора села и достав из рубашки грудь дала её Злате. Та, хитро поглядывая на Марка, держа ручками титю, начала причмокивать. Марк заворожено смотрел на это действие. В это время открылась входная дверь, на пороге стояли их сыновья Лучезар и Аврелий. Они так же удивлённо смотрели на маму и сестричку. Затем младший Аврелий произнёс:

– Мама, я тоже хочу кушать.

Скора посмотрела сначала на сыновей, затем на мужа, в это время они почти одновременно судорожно сглотнули. Скора рассмеялась и, как можно строже, произнесла:

– Ну-ка, марш отсюда, – и глянув на Марка, добавила, – Все!

Мальчики молча развернулись, Марк, отбросил одеяло и с улыбкой произнёс:

– Пошли ребята зарядку делать! – и прихватив полотенце, пошёл к сыновьям.

Скора с удивлением смотрела на мужа, сумевшего в этой небольшой суматохе натянуть под одеялом штаны.

– Идите мальчики, идите, а я вам завтрак приготовлю, – с улыбкой глядя на своих мужчин произнесла Скора.

Мужчины вышли во двор. Утро было солнечным и тёплым. Кругом громко щебетали птицы. Марк начал разминку размахивая руками, сыновья старались всё повторять за отцом. Если Лучезар уже хорошо знал все упражнения, то младший Аврелий повторял то за отцом, то за братом. Марк закончил зарядку и отправился вместе с детьми к ближайшему роднику умываться. Вернувшись в дом все, кроме Златы, сели завтракать. Насытившись материнским молоком, она играла в куклы на расстеленной шкуре медведя. Поставив на столе перед своими мужчинами по кружке молока и пирог с ягодами, Скора в халате и фартучке села напротив и, подперев голову рукой, счастливо наблюдала за ними. Хорошо освежившись во время зарядки и умывания родниковой водой, мужская половина навалилась на пироги.

– Мама, а ты почему не кушаешь? – спросил Лучезар.

– Лучик, я уже съела кусочек пирога, – улыбнулась Скора.

– Мама, не называй меня Лучиком, я уже большой, – надулся сын.

– Хорошо, хорошо не буду.

– Погода сегодня подходящая, дел у меня особых нет, может быть съездим, посмотрим город? – спросил Марк, допивая молоко.

– А что, уже можно смотреть? – спросила Скора.

– Да, леса со стен уже сняли, остались только внутренние работы, – ответил Марк.

– Хорошо поехали, а детей возьмём?

– Возьмём только Лучезара, – твёрдо произнёс Марк.

– Я тоже хочу, – попросился Аврелий.

– А кто будет Злату охранять? – спросил Марк, встав из-за стола и одевая пояс с мечом.

– Вот именно, – подражая отцу, произнёс Лучезар, тоже одевая пояс с игрушечным мечом.

– Хорошо воины, я тогда к Гельке сбегая, чтобы посидела со Златой, – заторопилась Скора.

– Мы пошли пока колесницу запрягать, – сказал Марк, выходя вместе с Лучезаром.

– Иди мама, а я пока Златку буду охранять, – с самым серьёзным видом произнёс Аврелий, взяв в руки, свой маленький деревянный мечик. Все ушли, Аврелий стал с грозным видом ходить вокруг сестры, но через некоторое время сел с ней играть.

Марк запрягал лошадей в двуколку, одну из разновидностей римской колесницы, объясняя сыну, всё, что он делает. Лучезар очень внимательно слушал его, но всё равно было видно, что мальчика распирает от гордости, что отец взял его одного с собой, этим самым, подчеркнув, что он уже взрослый. За этим занятием их застал Таруська, поскакав к ним с десятком своих воинов:

– Привет Марк, я встретил Скору, она сказала, что вы собрались город смотреть?

– Привет, да мы тут не далеко, с той горы посмотрим и назад, – кивнул Марк на большую гору в милях трёх к северу.

– Надо бы туда разъезд отправить, – произнёс Таруська, поглядывая на указанную гору.

– Да ты, что, у меня вон какая охрана, – кивнул Марк на сына.

– Ух ты, Лучезар у тебя и меч железный уже есть, – улыбнулся Таруська.
– Да, смотри какой, – Лучезар гордо достал свой игрушечный железный меч.
– Тогда мы просто проверим и обратно, – весело крикнул Таруська, – а вот и ваша мамка идёт, – показал он на идущую вместе с помощницей Скуру, и махнув плёткой, умчался вместе со своими воинами.

Через полчаса Марк, Сора и Лучезар ехали смотреть новый город. Марк был возницей, Сора с сыном, сидела сзади на месте пассажиров. Колесница, запряжённая парой гнедых, быстро домчала их почти до вершины горы. Дальше, шагов сто надо было подниматься пешком. Привязав лошадей, Марк пошёл впереди, за ним двигался Лучезар, замыкала подъём Сора.

Когда они поднялись на вершину горы, им открылся потрясающий вид. Солнце стояло почти в зените, освещая поля и леса. На фоне синюющих гор возле реки отдыхал белоснежный лебедь. Высокие крепостные стены рисовали тело этого лебедя, а дворец, выступающий над ними, был похож на голову лебедя, спрятанную под крыло. Протекающая за городом река давала полное ощущение того, что лебедь сел на воду поспать или передохнуть. Сора была поражена этой картиной, она восхищённо посмотрела на мужа и спросила:

– Какая красота, как тебе это удалось?

Марк, с удовольствием наблюдая за её реакцией, ответил:

– Я целый месяц таскал по горам бедного художника, бесконечно объясняя ему, каким должны видеть город со стороны, – Марк с явным удовольствием смотрел на своё детище, – пожалуй, это самый красивый ракурс. С него потом и был составлен план застройки всего города.

– Отец, а когда мы пойдём в город, – спросил Лучезар.

– Сейчас там идут отделочные работы, думаю, что к холодам всё будет готово.

– Так красиво Марк, никогда не думала, что города, могут быть похожи на белых лебедей, – зачарованно произнесла Сора.

– Тебе нравится?

– Очень, а как он будет называться?

– Anima mea, – мечтательно произнёс Марк.

– Душа моя? – удивлённо спросила Сора, – разве так можно называть города?

– Почему нельзя, – Марк нежно посмотрел на Скуру, что мне мешает назвать мой город, в честь моей жены, ты ведь моя, душа моя?

– Марк, ты сумасшедший, – у Скоры повлажнели глаза, она обняла и поцеловала Марка,

– спасибо тебе любимый, – прошептала она, положив голову на плечо мужа.

Слёзки предательски всё-таки скатились с её глаз. Это заметил Лучезар и сразу спросил:

– Мама, а почему ты плачешь?

– От счастья, от радости сыночек!

– От какой радости?

– Что ты у меня есть, папа, Аврелий, Злата, вы все моя радость, – улыбнулась Сора, вытирая слёзы.

– А разве от радости плачут, – задумавшись, спросил Лучезар.

– Иногда плачут сынок, мне так хорошо, давайте посидим здесь немного.

Они уселись в траве на вершине горы, и Марк стал рассказывать им своём городе, который потом все стали называть Анимамис.

Максенций сидел в императорской ложе Колизея и наблюдал бои гладиаторов. Он находился в великолепном настроении. Триумф в честь победителя над мятежным Домицием Александром был организован Нумерием на самом высоком уровне. Народ Рима, так любящий зрелища, был доволен. Гай Руфина Волузиан, сидящий в соседней ложе, тоже был явно дово-

лен, особенно своим назначением префектом Рима. Тем временем весь амфитеатр взорвался очередными овациями победителю в схватке фракийца и мирмилон. Победителем стал гладиатор в снаряжении фракийца, который весь поединок явно уступал своему огромного роста противнику, но всё же смог извернуться и своим коротким кинжалом распороть живот, выступающему с голым торсом мирмилону. Тот, придерживая свой живот левой рукой, просил зрителей о пощаде, протянув правую руку с поднятым большим пальцем. Фракиец стоял рядом, готовый исполнить волю зрителей. Трибуны ликовали, но мнение зрителей разделились. Одни опустили свои пальцы вниз, требуя добить поверженного гладиатора, другие напротив требовали оставить ему жизнь. Судья обратил свой взгляд на ложу императора. Максенций, выдержав небольшую паузу, даровал поверженному гладиатору жизнь. Трибуны зашумели одобрительными возгласами.

Пока арену готовили к следующему поединку, Максенций погрузился в весьма приятные для него воспоминания недавних событий. Прямо на заседании Сената, где он сообщил об указе Галерия, о прекращении гонений на христиан, ему сообщили о его смерти. Максенций не стал сразу сообщать эту новость и продолжал слушать выступления сенаторов. Как и говорил Нумерий, среди сенаторов не было, как и самих христиан, так и их явных сторонников. Лишь несколько сомневающихся сенаторов, в своих выступлениях говорили, о том, что указ старшего августа Римской империи является обязательным к исполнению во всех провинциях, включая Италию и сам Рим. В самом конце прений слово взял Нумерий и в своём выступлении указал сенаторам на то, что само адресование этого указа Максенцию является отменой решения принятого в Карнунте и отныне, он, Максенций является законным правителем Рима. Абсолютное большинство сенаторов проголосовали за то, чтобы не распространять указ Галерия на провинции подчинённые Максенцию. Тогда, сразу после голосования Максенций взял слово и попросил почтить память усопшего старшего августа Римской империи Галерия. После минуты молчания сенаторы устроили овацию своему принцепсу. Максенций успел заметить, что начал её Нумерий, именно поэтому он и поручил ему организацию этого триумфа, на котором тот сможет заработать хорошие деньги.

Тем временем глашатай объявил следующий поединок. Это были приговорённые к смерти преступники, выкупленные ланистами для выступлений в гладиаторских боях в качестве провокаторов. У провокаторов была минимальная защита и вооружены они были только мечом и щитом. Провокаторы дрались всегда только между собой за редким исключением. Характерным признаком тактики ведения боя провокаторов были постоянные мнимые отступления с мгновенными контратаками. Сейчас на арене сражалось две пятёрки провокаторов друг против друга, вернее осталось уже по три гладиатора в каждой группе. Раненные и убитые истекали кровью на арене. Максенций жестом подозвал охранника и попросил позвать к нему в ложу сенатора Нумерия, и спустя несколько минут он услышал его голос:

– Приветствуя тебя, август Максенций!

– Проходи, проходи, присаживайся, выпей прохладного вина, – улыбнувшись, кивнул Максенций на кресло рядом с собой и столик, стоявший между креслами.

– Благодарю, – улыбнулся в ответ Нумерий и сев в кресло и налил себе немного белого вина из глиняного графина.

– Ты отлично организовал сам триумф и праздник для жителей Рима.

– Я сделал всё что смог, – ответил Нумерий.

– Надеюсь не в ущерб себе, – улыбнулся Максенций.

– Нет, конечно, но и заработать много не получилось, – ответил Нумерий, отпивая вино.

– Я приготовил тебе сюрприз, – загадочно произнёс император, глядя, как последние два провокатора сражаются между собой.

– Очень не люблю сюрпризы, – тихо произнёс сенатор.

– Я нашёл способ, как объявить указ покойного Галерия римскому народу!
– Ты хочешь это сделать сейчас? – удивлённо спросил Нумерий.
– Именно здесь и сейчас! – громко произнёс Максенций, даруя жизнь оставшемуся в живых провокатору, под рёв трибун.

Через некоторое время зрители начали успокаиваться. Разносчики прохладительных напитков побежали по зрительским рядам и ложам. Арену стали готовить к появлению хищников, при этом тела убитых в поединке провокаторов убрали, но лужи крови песком не присыпали. Максенций жестом руки подозвал офицера преторианца:

- Епископ Мильтиад прибыл?
- Да, он ждёт, – кивнул охранник.
- Пригласите его, – приказал император, глядя с улыбкой на Нумерия.
- Что ты задумал? – спросил сенатор.
- Сейчас всё увидишь, – ухмыльнулся Максенций.

В это время в ложу вошёл епископ:

– Приветствую вас, мой император, – поздоровался Мильтиад, смиренно опустив седую голову.

В это время на арену вывели два десятка человек связанных одной верёвкой. Они озирались, испуганно глядя на нависшие над ними трибуны огромного Колизея. По трибунам прокатился рокот, зрители уже поняли, что это были христиане. Охранники стали освобождать их от верёвки. Христиане, немного постояв, разделились на две группы и сели в небольшие кружки.

– Епископ, я дал вам прочитать эдикт императора Галерия о прекращении всяких гонений на христиан. Этим указом, всем христианам позволено свободно исповедовать свою религию, – Максенций сделал небольшую паузу, убедившись, что епископ наблюдает за происходящим на арене, продолжил, – я просил вас усмирить свою паству, однако с тех пор произошло несколько жестоких драк между вашими единоверцами, в которых опять пролилась кровь, поэтому я просто вынужден остановить это беззаконие.

В это время глашатай, обращаясь ко всем присутствующим, стал зачитывать указ императора Максенция.

«Слушайте все! Эдиктом старшего августа Великой Римской империи Галерия, всем христианам была дарована полная свобода вероисповедания, лишь с одним предписанием просить у своего Бога благоденствия и процветания всей Римской империи, как самим себе! Об этой милости Римской империи сразу же был извещён епископ христиан Мильтиад! – после этих слов глашатай жестом показал на императорскую ложу, в которой зрители и сидящие на арене христиане увидели епископа.

Выдержав небольшую паузу, глашатай продолжил, – Однако вместо смиренного моления христиане стали выяснять между собой, кто из них стоит ближе к своему единственному богу Христу. Истинные римские граждане верят в своих Богов, коих больше чем один! Эта вера помогла нам создать Великую Римскую империю, и её величие и по сей день зиждется на этой святой вере. Римские граждане не выясняют между собой, какой из почитаемых Богов лучше или сильнее, они так же не проливают кровь друг друга, выясняя, кто из них больше любит своего Бога!

Постановляю, за любые публичные выяснения отношений христиан между собой, кто из них является отступником, а кто истинно верующим, подвергать всех смертной казни без всяких разбирательств!». Прочитав указ, глашатай довольно резво покинул арену.

В тот же миг из глубин подтрибунных помещений раздался грозный рык. На арену один за другим вышло шесть огромных гривастых львов. Епископ Мильтиад побледнел и подошёл к самому краю ложи. Он всё понял, и опустив голову, стал молиться больше не обращая ни

на кого внимания. Христиане, увидев своего молящегося за них святого отца и поняв, какой страшный конец их всех ожидает, сели все вместе и тоже стали молиться. Львы, хотя были голодны, нападать не спешили. Красноватый цвет арены пугал их, они щурили глаза, будто им ослеплённые, некоторые лениво потягивались, изгибая золотистые туловища, иные разевали пасти, точно желали показать зрителям свои страшные клыки. Но постепенно запах крови, оставленной провокаторами, возымел своё действие. Движение львов стали более беспокойными, гривы топорщились, ноздри с храпом втягивали воздух.

Внезапно среди христиан встал мужчина, повернувшись, он обвёл взглядом весь Колизей, вскинул обе руки вверх и стал ими трясти, как это делают победители среди гладиаторов, чтобы подзадорить зрителей. Над Колизеем раздался тысячеголосый вздох. Один из львов приблизился к христианам, ударом лапы сбил с ног стоящего мужчину, разодрал ему горло, из которого хлынула кровь. Положив ему на грудь свои огромные лапы, лев принялся слизывать её своим широким змеистым языком. Остальные львы, как по команде бросились на молящихся людей. Несколько женщин не смогли сдержать криков ужаса, но их заглушили рукоплескания, которые, однако, быстро стихли, желание смотреть было сильнее. Страшные картины представились взорам зрителей и христиан, головы людей целиком скрывались в огромных пастях, грудные клетки разбивались одним ударом когтей, мелькали вырванные сердца и лёгкие, слышался хруст костей в зубах хищников. Некоторые львы, схватив свою жертву за бок или за поясницу, бешеными прыжками металась по арене, словно искали укромное место, где бы сожрать добычу. Другие, затеяв драку, поднимались на задних лапах, схватившись передними, подобно борцам, и оглашали амфитеатр своим рёвом. Зрители вставали с мест. Многие спускались по проходам вниз, чтобы лучше видеть. Казалось, увлечённая зрелищем толпа, в конце концов, сама хлынет на арену и вместе со львами станет терзать людей. Временами слышался нечеловеческий визг, раздавались овации, слышалось рычанье, вой, стук когтей, ужасные крики и стоны...

Триумфатор, теперь уже префект Рима, Гай Руфина Волузиана сидел в своей ложе вместе с женой Нуммией. Префект пребывал в отличном расположении духа. Он совершенно не ощущал себя триумфатором, победа над Домицием Александром была совершенно предсказуема. Несколько лет назад он занимал должность проконсула Африки, и ему была хорошо знакома эта римская провинция. Его отлично обученные легионеры разметали легковооружённые и слабо обученные войска мятежников. При этом потери противника составили меньше пяти тысяч человек, но он по приказу Максенция разорил Карфаген и перевёз его монетный двор в Остию. Видимо это и было основной причиной организованного торжества. Гай Руфина Волузиана и его жена принадлежали к известным патрицианским родам Нуммиев, Фульвиев и Гавиев, которые славились тем, что верой и правдой служили государству и никогда не принимали участие в борьбе за власть. Он являлся членом жреческой коллегии эпулонов, поэтому и был одет сейчас в белую тогу с пурпурной каймой. Всё что сегодня происходило на арене Колизея, было обычным делом для римского общества, даже когда глашатай зачитывал указ Максенция, для него, знатока римского права это было вполне законно или почти законно. Но когда среди приговорённых христиан на такую ужасную смерть, он увидел знакомого ему Тита Мания, вставшего с поднятыми руками триария преторской когорты, в отношении которого, как ветерана, по римскому уголовному праву нельзя было применять такой вид наказания, Гай Руфина встал и решил вместе с женой немедленно покинуть Колизей. Однако по её совету, он всё же зашёл в ложу к императору:

– Мой император, моя жена внезапно почувствовала себя плохо, я прошу разрешения покинуть праздник, чтобы сопровождать её домой.

– Сбегаешь, – спросил его, не оборачиваясь Максенций.

– Я благодарен вам император за оказанную мне честь, но разрешите мне откланяться, – холодно попросил префект Рима. Максенций ничего не ответив, кивнул в знак согласия. Гай Руфина ушёл.

Тем временем кровавая расправа была закончена. Львы убили всех христиан и теперь просто терзали их безжизненные тела. На арену вышло три бестиария и под оглушительные рукоплескания трибун начали убивать хищников. Потрясённый епископ Мильтиад тихо произнёс:

– Я прошу разрешения покинуть вас, мой император.

– Надеюсь, что впредь вы сможете удерживать вашу паству от публичных выяснений отношений?

– Я постараюсь, – не поднимая головы, ответил епископ.

Кивком головы император Максенций отпустил епископа Мильтиада. Тем временем трибуны разразились овациями, это бестиарии, убив последнего льва, приветствовали публику поднятыми руками в центре арены. Зрители были явно довольны зрелищем. Максенций встал и подняв обе руки, из своей ложи приветствовал граждан Рима. Зрители, увидев это, разразились бурей аплодисментов в адрес своего императора.

Максенций смотрел на восторженную толпу и думал: «Как же всё-таки легко она управляется. Возобновив регулярные поставки зерна в Рим, и организовав зрелище, он снова стал кумиром этой толпы. Давая ей хлеба и зрелищ своевременно, в определённой последовательности и пропорции, можно оставаться у власти сколько угодно долго, одновременно вызывая её гнев и восхищение теми или иными событиями!».

Вечером того же дня Нумерий написал письмо в Испанию Тиберию Гаю Луциусу. Он подробно, в хвалебных тонах, описал всё увиденное сегодня в Колизее, сделав акцент лишь на том, что перед лицом смертельной опасности христиане позабыли все свои противоречия и объединились в общий круг. Нумерий не сомневался, что Тиберий поймёт его правильно и самое главное, это письмо вскоре попадёт на стол императору Константину. Запечатав свиток, он передал его слуге, который тут же отправился на почту. Преторианцы везде имели своих осведомителей, но он не писал ничего злонамеренного в отношении их императора Максенция, он не был заговорщиком, не выполнял чьи-либо инструкции и действовал совершенно самостоятельно.

Нумерий налил себе вина и улыбнулся. Сегодня Максенций совершил уже непоправимую стратегическую ошибку. После смерти Галерия, он почувствовал себя полноправным участником политического процесса в Римской империи и даже вознамерился возвыситься над остальными августиами, видимо ощущая себя в полной безопасности, сидя в своём дворце в Риме в центре империи. Организовав, в угоду толпе, это постыдное зрелище с травлей дикими животными христиан, он совершенно не учитывал объективные политические реалии. Нумерийю было совершенно безразличны мучения христиан, но их религия, уже в самом недалёком будущем, может стать государственной. Нумерий налил себе ещё немного вина. Да, видимо, Константин и есть будущий император всей Римской империи и он, Нумерий, сделает ставку на него. Из всех претендентов на власть, только Константин один обладал реальным политическим, военным и духовным потенциалом для этого. Для успешного ведения торговых дел необходимо быть, как можно ближе к центру власти. Теперь он построит свои отношения с Максенцием таким образом, чтобы это ничтожество и в дальнейшем совершало фатальные для себя ошибки.

Через два месяца не без участия Нумерия, Максенций, на своём новом монетном дворе в Остии выпустит три юбилейные монеты. На одной из них, выпущенной в честь усмирения мятежников в Африке будет написано: «Вечная победа». Темы других были совершенно

неожиданными. На одной из них изображался в обожествлённом виде его покойный отец Максимиан. Максенций постарался забыть о том, что они стали врагами, поскольку его претензии на пост императора основывались на положении сына бывшего августа. На другой монете был изображён обожествлённый Констанций Хлор, с указанием, что он родственник Максенция, через его родную сестру Фаусту, на которой был женат его сын Константин. Одновременно с этим Максенцием были разосланы указания всем магистратам Италии, сбросить с постаментов все бюсты и памятники Константину. То же самое, было сделано и в самом Риме.

Император Константин получил известие о кончине августа Галерия сразу по приезду в Аквинкум, куда прибыл вместе с женой, чтобы объявить о помолвке Лициния и своей сестры по отцу, Констанции. На помолвке присутствовала вся семья его отца императора Констанция Хлора – его жена Феодора, и все их дети, дочери Констанция, Анастасия, Евтропия, и сыновья Далмаций, Юлий и Ганнибалиан, которых он теперь взял под своё покровительство. Это известие несколько снизило тот накал торжественности, который возникает в римских семьях в этом случае. Однако Константин, объявивший помолвку, на правах главы семьи, во дворце Фаусты в присутствии местного магистрата и многочисленных гостей, успел заметить, что его семнадцатилетней сестре Флавии Юлии Констанции понравился весьма уже взрослый жених Флавий Галерий Валерий Лициний. Во всяком случае, она стала вся пунцовая после того, как жених подарил ей золотое кольцо, которое она немедленно одела себе на безымянный палец левой руки. После торжества Константин и Лициний уединились на одной из уютных террас дворца для приватной беседы. Установив между собой уже почти родственные отношения, в ходе этой беседы они договорились, что свадьба состоится ровно через два года, а так же обозначили свои приоритеты в жизни империи на ближайшее время. Лициний, после смерти Галерия считал себя полноправным, восточным августом и его головной болью теперь становился Максимин Даза. Головной болью Константина по-прежнему оставался Максенций. Так же они подтвердили свою безусловную готовность исполнить указ Галерия о прекращении гонений на христиан в своих провинциях. На этой добродушной ноте два императора и расстались, Лициний направился в Сердику (София), Константин с супругой вернулся в Тревир.

По возвращении Константин принял у себя во дворце четырёх епископов Галлии и Британии. Вручив им копии указа Галерия о прекращении гонений на христиан, он так же сообщил им, что этот указ уже доведён до всех магистратов в его провинциях, с тем, чтобы обеспечить все права и свободы, дарованные христианам Римской империей. Епископы с благоговением отнеслись к этому визиту и к его результатам, это было первое подобное общение управляющих церковью и империей.

Прошёл месяц. Константин сидел в своём кабинете в Тревири за заваленным бумагами столом и разбирал почту. Распечатав очередной свиток, он быстро пробежал его глазами, и в негодовании отложив его в сторону, встал из-за стола.

Это было письмо из Испании от Тиберия Гая Луциуса, в котором он детально пересказал о казни христиан на арене Колизея во время празднования победы над Домицием Александром. Константина возмутила не сама расправа над христианами, что было, в общем-то, обычным делом, а то, как обыграл эту казнь Максенций, в конечном итоге позволив себе не исполнять указ Галерия. Прохаживаясь по своему кабинету, он приказал стражнику пригласить к нему свою мать Елену. Через некоторое время Елена вошла к своему сыну.

– Здравствуй мама!

– Здравствуй сын, что-нибудь случилось?

– Я решил дать тебе почитать это письмо, только отнесись к этому как можно спокойней.

– О чём здесь написано?

– О казни христиан!

– Но ведь был же указ Галерия! – воскликнула Елена.

– Видимо каждый правитель понял его по-своему, – с грустью произнёс Константин.

Он отошёл к окну, чтобы не мешать прочтению ужасных для матери строк. Константин видел, как Елена крестилась, и слёзы текли из её глаз. Она перечитала письмо не один раз. Константин понимающе не мешал ей. Наконец мать отложила в сторону свиток и подняла на сына заплаканные глаза.

– Что ты намерен делать?

– Мама, я не меньше тебя возмущён беззаконием Максенция, но в ближайшее время сделать ничего не смогу.

– Почему?

– Во-первых, на мне лежит ответственность по защите границ империи от набегов варваров и это главная моя задача. Во-вторых, мне пока не понятно, как будут развиваться события на востоке в противостоянии Лициния и Максимиана Даза и наконец, в третьих, объясни мне, пожалуйста, что за непримиримые противоречия существуют между христианами, из-за которых они так жестоко страдают, но при этом находят в себе силы забыть о них уже перед самой смертью?

– Боюсь, что я не смогу тебе в этом помочь, – вздохнула Елена, – тебе надо было задать этот вопрос епископам, которых ты принимал у себя во дворце месяц назад.

– Думаю, что мне ещё придётся пообщаться с ними на эту тему, – улыбнулся Константин.

– Константин, я давно хотела тебя спросить, ты обратил внимание, сколько в твоих легионах служит христиан?

– Да, честно говоря, даже не ожидал!

– Христиане были бы самыми преданными тебе воинами, – произнесла мать, глядя в глаза сыну.

Константин внимательно посмотрел на неё, прошёлся по кабинету, затем присел рядом с матерью и тихо сказал:

– Мама, я пока не готов принять христианство, и я никогда не допущу войны религий, даже в борьбе за власть!

– Что ты имеешь в виду?

– Я не могу разделять моих доблестных и закалённых в боях солдат по религиозному признаку, христианство ещё не очень сильно распространено в Италии и самом Риме, и поэтому такая война ввергнет всю империю в хаос!

– Может быть, ты просто осторожничаешь?

– Возможно, взвешенность решений основа мудрой политики, – улыбнулся Константин, вставая, – я рад, что мы понимаем друг друга.

– Хорошо сын, я, пожалуй, пойду, – встала Елена, – у тебя работы целый стол.

– Я ещё поработаю, – улыбнулся Константин и поцеловав мать в щёчку, вернулся к своим делам.

Наступила зима. В один из вечеров Константин играл со своими сыновьями в большом зале дворца в Тревире. Они сидели напротив камина на медвежьей шкуре. Рядом с ними возле камина сидела и Фауста, с удовольствием наблюдала на столь редкие минуты общения своего сына Константина с отцом. Крисп проводил с ним гораздо больше времени с помощью своей бабушки. Фауста наблюдала, с каким удовольствием сыновья слушали объяснения своего отца. Перед ними стоял макет римского военного лагеря, и Константин рассказывал детям, для чего нужен частокол, ров, башни. Конечно, Крисп знал уже гораздо больше своего младшего брата, поэтому он иногда с самым умным видом вставлял в рассказ отца свои реплики. Эту семейную идиллию внезапно нарушил стражник, который сообщил о прибытии прокуратора Тиберия

Гая Луциуса. Константин потрепал по головкам сыновей, затем направился к выходу. Проходя мимо жены, он чмокнул её в щёчку.

– Ты надолго? – спросила Фауста.

– Думаю, что надолго, – ответил Константин и быстро вышел из зала, направляясь в свой кабинет.

Возле кабинета его ждал прокуратор. Было видно, что прибыл он с хорошим известием. Жестом, пригласив его в кабинет, Константин вошёл в него первым и сел за свой стол.

– Приветствую вас мой император, – весь светясь, произнёс Тиберий.

– Здравствуй, ну что там у тебя, – спросил Константин.

– Вот самая главная новость, – подал свиток прокуратор.

– Что здесь?

– Префект Испании сообщает, что его провинция переходит под вашу юрисдикцию! – гордо произнёс Тиберий.

Константин внимательно прочитал свиток, и уже с улыбкой произнёс:

– Как я понял, это с вашей помощью у него изменились приоритеты?

– Собственно Максенций сам подвиг префекта Испании признать вашу власть, – довольно улыбаясь, сказал Тиберий.

– Но не без вашего участия?

– Я просто показал некоторым влиятельным чиновникам из его окружения письмо сенатора Нумерия о казни христиан в Колизее.

– Да, да помню, и что этого оказалось достаточно? – спросил удивлённо Константин.

– Соответственно с моими комментариями, но могу сказать, что больше всего всех возмутила не сама казнь, а его указ!

– Да, пожалуй ты прав, Максенций после смерти Галерия возомнил себя законным августом, – зло произнёс Константин.

– Это ещё не всё мой император! – загадочно произнёс Тиберий, положив на стол несколько монет.

Константин взял со стола три монеты и стал их рассматривать. Одна из них была выпущена Максенцием, по случаю победы в Африке. В другой он обожествлял своего отца Геркулия, а в следующей монете, он уже обожествлял Констанция Хлора, его отца, тем самым, он сам себя ставил себя в один ряд с этими августами, намекая на то, что Константин всего лишь женат на его родной сестре. Константин всё понял, но давно приучил себя не реагировать на любые внешние обстоятельства сразу, особенно если эти обстоятельства ему представлял другой человек. Так учили его отец и император Диоклетиан, поэтому он с безразличным видом спросил:

– Это всё, или у вас есть ещё новости?

Увидев реакцию императора, Тиберий немного растерялся и потухшим голосом произнёс:

– Есть ещё один документ, перехваченный моими людьми.

– Что за документ?

– Это указание Максенция всем магистратам в Италии.

– Ну, давай, не томи меня!

Константин прочитал свиток, в котором предписывалось всем магистратам Италии сбросить с постаментов все его статуи и бюсты. Ни один мускул не дрогнул на лице Константина.

– Надеюсь это все новости на сегодня?

– Да, мой император, – ответил, немного волнуясь, Тиберий.

– Тогда, я вас больше не задерживаю, – сухо произнёс Константин.

Расстроенный Тиберий, с лёгким поклоном удалился.

Разложив на столе свитки и монеты, Константин стал прохаживаться по кабинету. Возвращение Испании под его управление было весьма приятным для него моментом, это, несомненно, усиливало его положение в империи. На фоне всего этого Максенций почему-то стал вести себя вызывающе.

Его размышления прервала Фауста:

– Дорогой, я уже уложила детей спать, ты ещё долго?

– Ложись без меня, я ещё поработаю, – ответил Константин, слегка улыбнувшись.

По этой напряжённой улыбке Фауста поняла, что у мужа возникли какие-то проблемы, и засыпать ей придётся сегодня одной.

– Плохие новости? – спросила она, садясь возле стола.

– Похоже, твой братец возомнил себя богом, – усмехнулся Константин.

Фауста равнодушно покрутив в руках монеты Максенция сказала:

– Тебя назначил августом Галерий и именно ты должен править в Риме, а не этот самозванец!

– Дорогая, я, как раз собираюсь об этом подумать, – улыбнулся Константин.

– Тогда это надолго, – зевнула Фауста, вставая, – пойду я спать, мальчишки меня сегодня утомили.

– Иди, не жди меня, – Константин чмокнул жену в щёчку, проводив её до двери.

Константин подошёл к своему столу, разложил перед своим взором карту провинции Италия. Его мозг стал генерировать картину предстоящей войны. Вот его войска проходят через Рецию, далее Альпы. Спускаясь с гор, они подходят к Турину, к Медиолану, затем к Вероне. После этого его легионы двигаются на юг Италии к столице империи Риму. Да, он начнёт войну, может быть самую важную в своей жизни, войну за Рим, вернее за своё право быть правителем этого Вечного города и всей Римской империи.

Глава II

Луч Солнца падал на водную гладь, отражаясь от её поверхности, разбивался на множество маленьких зайчиков сверкающих в небольшом отдельном бассейне терм Каракаллы. Сенатор Нумерий Тулиус сидя в бассейне от этого немного щурился, ведя беседу со своими коллегами. Их было трое: сенатор Септимий Маргус, сенатор Спурий Олиус из рода Клавдиев и сенатор Мамерк Квинт из рода Эмилиев. Септимий Маргус крупный землевладелец Италии сидел рядом с Нумерием, а двое других сенаторов сидели напротив, опершись на чёрную мраморную стенку бассейна. Слегка разомлевшие от пара они вели степенную беседу государственных мужей.

– Римские императоры со времён Нерона получали власть и успешно правили только в результате некоего компромисса между армией и сенатом, – произнёс худощавый, седой Олиус Клавдий.

– Ты прав Олиус, если говорить именно об успешном правлении, – усмехнулся Нумерий.

– Чем же ты недоволен Нумерий, ты Максенцием вроде обласкан, дела у тебя, судя по всему, тоже идут хорошо? – спросил Мамерк Квинт, полноватый мужчина средних лет.

– Если отбросить любые божественные теории то власть всегда зиждется на тех услугах, которые может оказать либо Сенат, либо армия своему государству и народу, – ответил Нумерий.

– Армия может править только силой оружия, в руках Сената находятся все торговые рычаги управления империей и без компромисса здесь конечно не обойтись, – включился в разговор Септимий Маргус, седой плотный мужчина, – если конечно власть работает в интересах государства, а не ради достижения чьих-либо личных целей.

– Личные цели они тоже разные бывают, – задумчиво произнёс Нумерий.

После его слов наступило молчание. Каждый из сенаторов видимо задумался о своих личных целях во власти. Септимий думал о том, как сохранить и приумножить свои владения на Аппенинском полуострове. Его виноградники и масличные плантации приносили ему огромный доход, но вот последний указ Максенция об увеличении налогов на доходы крупных землевладельцев его весьма тяготил. Олиус Клавдий и Мамерк Квинт думали о том, как внезапно умерли их дальние родственники сенаторы, переписав свои завещания в пользу Максенция перед самой смертью, в результате чего их семьи лишились большей части своего имущества.

Нумерий незаметно наблюдал за своими собеседниками, обдумывая свою следующую фразу. Он никогда не начинал разговор первым, чтобы не выдавать своих истинных намерений. Через некоторое время Олиус Клавдий произнёс:

– Из ныне здравствующих императоров, пожалуй, только Диоклетиан показал отсутствие каких-либо корыстных целей в период своего правления.

– Да, но именно он существенно снизил роль Сената в управлении империей! – возразил ему Септимий.

– Он привёл в порядок управление империей, упокоил варваров на границах и как обещал, отрёкся от власти через двадцать лет правления, – сказал Мамерк Квинт.

– Честь и хвала ему, видимо этим он и войдёт в историю, – включился в разговор Нумерий, – однако это уже в прошлом, сейчас у власти в империи находится тетрархия созданная Диоклетианом.

– Мы сами привели к власти Максенция, Диоклетиан его не назначал августом, – произнёс Олиус, – то, что Галерий прислал ему свой указ о христианах, ничего не решает, этот император вне римского права, тем более, что исполнять его он не намерен.

– Лициний и Максимин Даза оба ставленники Галерия, а значит и Диоклетиана, мнят себя старшими августиами, и между ними вот-вот вспыхнет война, Максенций конечно будет выжидать, с тем, чтобы потом объявить себя старшим августом, – горячо произнёс Мамерк Квинт.

– Ты прав, нас ожидают нелёгкие дни, но есть ещё один император, который не является ставленником Галерия или Диоклетиана и в августи он произведён в соответствии с римскими законами, – сказал Септимий, обведя взглядом всех присутствующих, – и судя по всему, он более других придерживается этих законов.

– Ты прав, сын императора Констанция, на сегодняшний день является самым законопослушным императором, – улыбнулся Олиус, – но никому не ведомо, как он поведёт себя далее?

– Зато, мы хорошо видим, как растут амбиции Максенция, который тратит гораздо больше, чем способен зарабатывать, – с серьёзным лицом произнёс Септимий.

Сенаторы опять замолчали, обдумывая свои мысли. Нумерий был доволен, разговор сложился именно так, как он хотел. Он лично сам не высказал, каких-либо предложений, никто из сенаторов не назвал имени Константина, но при этом, в их узком кругу только что сформировались мысли о том, кто в принципе должен, именно должен, возглавить империю в ближайшем будущем. Хорошо зная законы кулуаров Сената, Нумерий понимал, что после этой беседы, сенаторы начнут обсуждать всё это уже в следующем кругу и в нужном ему русле. Это будет очень тихая работа, подобная воде, которая точит камень. Сам лично, он к этим разговорам никакого отношения иметь не будет, но в Сенате сформируется определённое мнение, которое может сыграть решающую роль в нужный момент.

– Граждан Рима не очень интересует, что происходит на границах Рейна, Дуная или Евфрата, им гораздо важнее насколько высок их доход, смогут ли они вселиться в новый дом, или купить более престижное место в театре, – начал фразу Нумерий вылезая из бассейна, за ним последовали остальные сенаторы, – на их доход существенно влияет и величина налогов, – продолжил он, накинув на себя простынь.

– Ты прав Нумерий, – поддержал его Септимий, – все граждане согласны платить налоги, пусть без очень большого желания, но всё же платят, когда понимают для чего.

– Маленькому человеку, честно получающему свой доход, просто хочется вкусно поесть, выпить, повеселиться или немного послушать какого-нибудь философа, – вступил в разговор Олиус, – но всякая империя нуждается в резервах. Они могут быть облачены в человеческую плоть, кровь и представлять собой умелых, обученных воинов или иметь чисто материальную форму и храниться в виде золотых монет.

Сенаторы, обернувшись простынями, сели в расставленные для них кресла. На столике стояла ваза с виноградом, бокалы и несколько кувшинов с различными винами.

– Гражданские войны приводят к краху или даже гибели многие богатейшие семьи империи, – продолжил Нумерий, налив себе немного вина, – полагаю, что следует, как можно быстрее остановить этот процесс, империей должен править умный, адекватный и законопослушный император, только так Сенат может вернуть себе своё прежнее влияние!

После небольшого раздумья в разговор опять включился сенатор Олиус:

– В притязаниях армии на власть всегда имеются два аспекта, чисто военный и политический. Армия воплощает в себе, те демократические традиции Рима, которые отражают интересы римских земледельцев и мелких торговцев, – немного подумав, он добавил, – соответственно они требуют от государства таких законов и такого управления, которые защищали бы маленького человека от сильных мира сего, именно на этом сейчас играет Максенций, и тем самым разжигает вражду между бедными и богатыми.

– Ты прав Олиус, только внутреннее спокойствие в империи поможет вернуть былую власть Сенату, – согласился Септимий, остальные сенаторы кивнули в знак согласия и предались размышлениям о судьбах государства...

Константин работал в своём кабинете в Тревире. Прошло уже две недели с тех пор, как он отослал всю свою семью под опекой Колояра на юг Галлии в Арелат (Арль). Именно там он решил накапливать свои маневренные силы для похода на Рим. Сам Константин остался ждать префекта Галлии Гая Тиберия, чтобы передать ему в управление три легиона на самом опасном направлении со стороны франков. Старый друг отца должен был прибыть завтра утром и Константин, не теряя времени, разбирал почту. Писем было очень много, но он старался читать все, особенно из Италии. Из этих писем явствовало, что Максенций всю свою деятельность после смерти Галерия организовал под девизом: «Дополнительные налоги для богатых, смерть убийце моего отца!». Константин понимал, что апеллировать к сыновним чувствам было гораздо удобнее, чем холодному политическому расчёту, война тогда кажется более нравственной, когда она оправдана общечеловеческими чувствами. Константин отложил письма в сторону, и стал прохаживаться по кабинету.

Он вспомнил о последних визитах посланников из Италии и самого Рима. Это были представители богатых и знатных семей землевладельцев и даже сенаторов. Они умоляли его спасти Италию. Факты, которые они сообщали ему, представляли особый интерес. Действия Максенция во время восстания в Африке убедительно свидетельствовали о том, что его главной целью была конфискация имущества в пользу императорской казны. В самой Италии Максенций с помощью преторианцев оказывал давление на самых богатых своих подданных, с тем, чтобы вынудить их делать пожертвования в казну сверх установленных законом налогов. Возможно, он нуждался в деньгах, однако, создавалось впечатление, что он тратит эти деньги не столько на общественные, сколько на личные нужды. Большинство людей гораздо охотнее дают деньги, когда знают, что они тратятся на достижение неких далеко идущих целей, а не на удовольствия государственных деятелей. Таким образом, Максенций добился совсем не тех результатов, на которые он рассчитывал. Его политика налогообложения богатых, привела крупных землевладельцев один лагерь с христианами, чьи чувства он оскорблял своим скандальным поведением, а эти две силы теперь в гораздо большей степени определяли общественное мнение в Италии и Африке. Претензии на власть всегда основаны на поддержке со стороны народа или какой-то его части. Власть тем устойчивей, чем большая часть общества её поддерживает, причём эта поддержка может явно и не выражаться. Достаточно того, что недовольная существующей властью часть общества в решающий момент просто не станет поддерживать эту власть и отнесётся к её судьбе с абсолютным безразличием. В случае с Максенцием, которого к власти и привёл народ, необходимо было сделать очень много различных управленческих и нравственных ошибок, после которых общество пожелало бы смены власти. И он их сделал, именно его нравственное поведение стало причиной недовольства римского общества.

Константин вспомнил своего отца. Он учил его, что взгляды армии и взгляды её командующего влияют друг на друга, хотя порой трудно определить, каким образом и в какой степени. Правитель, идущий по пути наименьшего сопротивления, чтобы склонить общественное мнение на свою сторону, своими действиями подкрепляет это мнение, но не формирует его, а лишь усиливает уже существующую тенденцию. Разумное налогообложение населения, справедливое отношение к армии и очень скромный быт императора Констанция, так же терпимое отношение к христианам, обеспечили процветание его провинций, доверие и поддержку легионов, и любовь народа. У отца иногда даже не хватало личных средств, чтобы организовать небольшое торжество для самых близких друзей, и тогда он обращался к ростовщикам. Именно так поступал и Константин все годы своего правления. Теперь же обстоятельства толкали Константина к тому, чтобы следовать и далее таким политическим курсом, который привлёк к нему симпатии, а затем обеспечил ему активную поддержку всех слоёв общества, находящегося под его управлением. В отличие от отца Константин очень хорошо сознавал направленность своей политики и ожиданий, обращённых к нему. Константин никогда не заявлял о своих личных

амбициях. Он вёл свою игру неторопливо и терпеливо, не обозначая конечную цель, и с равнодушным терпением двигался к ней.

Воспоминание об отце привели душевное состояние Константина к лёгкой грусти и желанию пофилософствовать. Он взял знакомый свиток, и сев в кресло напротив камина прочитал:

*Значит, нам смерть – ничто и ничуть не имеет значенья,
Ежели смертной должна непременно быть духа природа,
Как в миновавших веках никакой мы печали не знали,
При нападении войск отовсюду стекавшихся пунов,
В те времена, когда мир, потрясаемый громом сражений,
Весь трепетал и дрожал под высокими сводами неба,
И сомневались все человеки, какому народу
Выпадут власть над людьми и господство на суше и море,
Так и когда уже нас не станет, когда разойдутся
Тело с душой, из которых мы в целое сплочены тесно,
С нами не сможет ничто приключиться по нашей кончине,
И никаких оцущений у нас не пробудится больше,
Даже коль море с землёй и с морями смешается небо.
Если же сила души и природа духовная всё же
Чувства могла бы иметь, и расторгжена будучи с телом,
То и тогда бы ничто это было для нас, раз мы только
Узами тела с душой и союзом их сплочены тесно,
Да и когда б вещество собиралось наше обратно
Временем после кончины я в нынешний вид возвращалось,
Если вторично на свет появиться дано бы нам было,
Всё-таки это для нас не имело бы вовсе значенья,
Так как о прошлом уже была б у нас прервана память;
Так же, как ныне для нас безразлично, чем были мы раньше,
И не томимся о том мы теперь никакою тревогой.
Ибо, коль взор обратить на прошедшее, мыслью окинув
Всю необъятность веков, и подумать, сколь многообразны
Были материи всей движенья, легко убедиться,
Что семена, из каких мы теперь состоим, принимали
Часто порядок такой, в каковом пребывают и ныне.
Но тем не менее нам былого того не вспомнить:
Падает тут перерыв бытия, при котором потоки
Тел основных лишены были чувства и праздно блуждали.
Если же в будущем ждуют и несчастья и горе, то должен
В это же время и тот оказаться, с кем могут случиться
Эти невзгоды, но раз изымает их смерть, преграждая
Жизнь у того, кто бы мог подвергнуться скопищу бедствий,
Ясно, что нам ничего не может быть страшного в смерти,
Что невозможно тому, кого нет, оказаться несчастным,
Что для него всё равно, хоть совсем бы на свет не родиться,
Ежели смертная жизнь отнимается смертью бессмертной.*

Константин отложил свиток и задумался. Тит Лукреций Кар очень точно формулирует мысль о том, что нет смысла бояться смерти, если до рождения ни души, ни тела не существовало и после смерти нас тоже не будет, то всё, что задумал человек, необходимо делать пока

живёшь. Константин улыбнулся, вспомнив, что об этом ему уже говорил его друг Марк Флавий. Немного посидев, император встал, подошёл к столу и написал ему письмо. Он уже давно хотел позвать Марка участвовать в походе на Рим, но не находил нужных слов. Теперь же слова пришли сами собой, и Константин написал их в письме. Затем он позвал стражника и велел, как можно быстрее, посыльным, доставить письмо адресату.

Максенций сидя в кресле у себя во дворце слушал доклад префекта преторианцев Себастьяна. Седой генерал с улыбкой докладывал о том, что его люди провели беседы со всеми главами семей указанных в списке императора и те согласились внести в государственную казну указанные суммы после сбора урожая. Максенций улыбаясь, спросил:

– Были ли при этом возражения, конфликты?

– В Риме не было, мой император, – чётко доложил преторианец.

– А в других городах?

– В других городах были, но незначительные, за исключением Вероны.

– Что случилось в Вероне?

– Там нас даже не пустили в дом, – уже хмуро доложил Себастьян, – нам пришлось обнажить мечи, но даже это не возымело должного действия.

– Что случилось дальше? – строго спросил император.

– Ничего, пришёл хозяин, слуги опустили мечи, мы с ним поговорили, и он согласился, – опять улыбнулся преторианец.

– Как звали хозяина?

– Аврелий Клавдий.

– Это родственник сенатора Олиуса Клавдия?

– Да, это кажется его дядя.

– Ладно, вы хорошо поработали, есть ли ещё какие-нибудь вопросы генерал? – спросил Максенций.

– Мы привезли вам девчонку из провинции, – усмехнулся преторианец, – у семьи не было денег, и они прислали одну из своих дочерей.

– Где она?

– На вашей вилле, мой император, предыдущую мы отправили обратно в семью.

– Хорошо, – улыбнулся Максенций, – сегодня вечером я навещу её, есть ещё вопросы?

– Да, претор Клавдий Валерий!

Максенций посмотрел в глаза командиру преторианцев и уже строго произнёс:

– Это претор стоит на охране законности в Риме, он очень уважаемый человек в городе своей неподкупностью и принципиальностью и я рекомендую твоим воинам не роптать на него, а стараться соблюдать все его предписания, это понятно?

– Я всё понял мой император, – опустив голову, произнёс преторианец.

– И запомни, префект Рима Гай Руфий Волузиан и претор Клавдий Валерий два законника, которые всегда будут находиться под моей личной защитой, выполняйте свои обязанности генерал так, чтобы ваши пути с ними никогда не пересекались!

– Я всё понял мой император, разрешите удалиться? – ответил с поклоном Себастьян.

– Да, идите, – кивнул Максенций.

Преторианец ушёл. Максенций задумался, преторианцы его опора, с их помощью он пришёл к власти, но ими тоже необходимо управлять. Иногда они ведут себя весьма дерзко по отношению к народу, выходя за рамки закона. Обо всех этих случаях ему сообщают претор Клавдий Валерий и префект Рима Гай Руфий Волузиан. За все случаи нарушения закона он стал наказывать преторианцев деньгами, и это оказалось очень действенным. Максенций улыбнулся мысли, что он во всём держит руку на пульсе. Он подошёл к столу, заваленному почтой. От одной мысли, что это всё необходимо перечитать, ему стало не по себе. Максен-

ций отошёл к столику, на котором стоял графин с вином и ваза с фруктами и присел возле него. Налив бокал вина император отпил несколько глотков и стал размышлять о том, что римский народ не ответил полным пониманием его сыновним чувствам и не осудил убийцу его отца Константина. Когда по всей Италии исполняли его приказ и сбросили с постаментов все бюсты и памятники Константину, то народ воспринял это совершенно спокойно, не поддерживая и не осуждая его действия. Не получили поддержки в народе и взимания в пользу государственной казны дополнительных налогов с богатых семей. Максенций ещё отпил немного вина и переключил свои мысли в более приятное русло, вечером ему предстояла встреча с очередной молодой девицей, которую ему добровольно, вместо дополнительного налога предоставила римская семья. Эти девицы были весьма привлекательны своей молодостью и неопытностью. Отцы видимо очень хорошо с ними разговаривали перед поездкой к императору, поэтому проблем с ними никогда не было. Через неделю девицу отправляли домой, и привозили следующую. Максенций зажмурился, как мартовский кот, погрузившись в приятные воспоминания.

Его сладострастные мысли прервал голос Нумерия:

– О чём таком приятном думает мой император?

– Нумерий ты, всё испортил, – обидчиво произнёс Максенций, открыв глаза, – ты всегда подходишь так тихо.

– Так о чём ты так глубоко задумался? – ухмыльнулся Нумерий, усаживаясь на соседнее кресло.

– Да так, ни о чём, с чем пожаловал?

– Вот пришёл тебе сообщить, что через два дня в Остию прибывает сорок тысяч азиатских всадников тяжёлой кавалерии.

– Мне очень дорого обошлось это последнее достижение военного искусства, – усмехнулся Максенций.

– Это настоящие воины, они почти полностью закованы в железо и поэтому практически неуязвимы!

– Я отправлю их под командованием Руриция Помпиана в Верону.

– Всех?

– Да, со мной останется сорок тысяч преторианцев и ещё сорок тысяч воинов гарнизона, Константин никогда не решится штурмовать стены Рима.

– Это всё правильно, но я бы оставил тысяч десять азиатских конников возле себя, – произнёс Максенций.

– Полагаешь, что Константин может дойти до Рима?

– Пусть у тебя, на всякий случай будет под рукой хороший конный резерв, – улыбнулся Нумерий.

– Стены Рима ему не одолеть, – задумчиво произнёс Максенций.

– В этом ты прав, но его необходимо остановить там, на севере Италии.

– Уверен, что Руриций Помпиан сделает это, у него будет всего около семидесяти тысяч легионеров, почти двукратное превосходство!

– Тогда тебе нечего беспокоиться, – опять улыбнулся Нумерий.

– Пожалуй ты прав, – тоже улыбнулся Максенций, наливая себе и собеседнику вина.

Они немного помолчали, наслаждаясь вкусным красным вином.

– От Максимиана Даза было известие? – первым нарушил молчание Нумерий.

– Не знаю, почту ещё не разобрал, – кивнул на заваленный стол Максенций.

– Помочь?

– Не надо, завтра разберу, – произнёс, улыбаясь, император.

– До захода солнца, ещё много времени.

– Нет, лучше я поеду на виллу.

– Что новенькую привезли?

– Ты представляешь, ещё ни одной целой не попало, все испорченные, а потом на меня всё будут сваливать, как это всё безнравственно! – сокрушался Максений.

Нумерий внимательно смотрел на него, пытаясь понять, император так шутил или был абсолютно уверен в том, что говорил.

Марк, обнажённый по пояс, возле дома занимался с Лучезаром. Он показывал сыну, как двигаться в поединке на мечах, как наносить удары и как правильно закрываться щитом от ударов. Лучезар внимательно слушал отца, держа свой маленький щит и такой же меч. Марк, дав все наставления, стал наносить несильные, но частые удары учебным затупленным мечом. Лучезар отчаянно сопротивлялся и даже пытался сам наносить удары. Марк остался доволен сыном, в это время раздался топот копыт. Марк остановил бой и смотрел, прикрыв ладошкой глаза от солнца, на скачущего к нему всадника в одежде римского легионера и это был воин из легиона Милана. Подскакав, всадник спросил:

– Марк Флавий?

– Да, – ответил удивлённо Марк.

– Вам письмо от императора Константина, велено передать лично! – произнёс легионер, подавая свиток, нагнувшись с лошади.

В это время на крыльцо вышла Скора с дочкой на руках, Аврелий держался за подол её платья. Всадник, гарцуя на лошади, кивком поздоровался с ней. Марк, прочитав свиток, коротко сказал ему:

– Передай императору, я приеду в Арелат!

– Хорошо, – ответил, улыбнувшись, легионер.

– Может воды? – спросила Скора.

– Спасибо, я хотел бы ещё домой заскочить, – ответил с улыбкой свев-легионер, – я тут недалеко в селении Багана живу, – и взнуздав лошадь, поскакал обратно.

– Что там, Марк, – с тревогой в голосе спросила Скора.

– Пойдёмте в дом, – произнёс Марк, поднимаясь по ступенькам крыльца.

Когда они вошли в дом Марк, с улыбкой, протянул свиток жене. Скора, тревожно глядя на мужа, опустила дочку на пол и взяла письмо. Развернув свиток, она прочитала:

«Марк, обстоятельства вынуждают меня отправиться с войсками в Рим. Я никогда там прежде не бывал, не мог бы ты меня сопровождать в этом путешествии. Марк мне нужна в этом городе твоя чистая душа. Я буду ждать тебя через четыре недели в Арелате, конечно, если тебя отпустит Верховный вождь. Всегда твой друг, Константин!».

Скора подняла глаза на мужа, тот по прежнему улыбался и спросила:

– Что это значит?

– Это значит милая, что я через три недели уезжаю, – уже без улыбки ответил Марк.

– Я не понимаю, римский император, который ни разу в жизни не был в Риме, как такое может быть?

– Римская империя очень большая.

– А если верховный вождь не согласен?

– А верховному вождю я подкину работы, и ему будет не до меня, – усмехнулся Марк.

– Ты это о чём? – удивлённо спросила Скора.

– Давайте пообедаем, а за обедом я всё тебе расскажу, – произнёс Марк, садясь за стол.

Во время обеда Марку удалось убедить Скору об относительной безопасности своей поездки в Рим для сопровождения императора Константина. Эта поездка могла затянуться, поэтому Марк предложил начать заселение Анимамиса в ближайшие дни. Сразу после обеда, оставив детей на попечение помощницы и в сопровождении десятка стражников, они отправились в свой город.

Скора стояла рядом с Марком и смотрела на огромный дворец. Он поражал её не только размерами, ведь она впервые в жизни видела такое большое строение их камня, но своей неуловимой красотой. Всё было красиво и пропорционально, высота здания, колонны по всему периметру, ступени, ведущие к входу. Дворец стоял на искусственной возвышенности и если смотреть вверх на облака, то казалось, что он летит в них. Марк взял за руку, немного оробевшую жену и повёл к входным дверям. Внутри, в свете горящих светильников, Скора увидела очень большой четырёхугольный зал, слева и справа ограниченный внутренними колоннами. В противоположной стене, в нише стояла скульптура обнажённого мужчины в единоборстве со львом. Во дворце ещё продолжались отделочные работы, кое-где стояли леса и работали люди, поэтому Марк вывел Скору в центр зала. Она с лёгким душевным трепетом оглядывала всё это величие, её внимание вновь привлекла скульптура, и Скора спросила:

– Марк, а кто этот голый мужчина, который сражается со львом.

– Это Геракл, мифический греческий герой, который совершил двенадцать подвигов!

– А лев?

– Это знаменитый Немейский Лев, он обладал чудовищной силой, и имел непробиваемую шкуру, поэтому Гераклу пришлось его задушить и это был первый его подвиг.

Марк смотрел на жену, как робко и с удивлением она оглядывала высокие своды дворца. Было видно, что ей было немного не по себе.

– Марк, как же мы будем здесь жить? – спросила, наконец, она.

– Мы будем жить не здесь, – улыбнулся Марк.

– Тогда для кого ты построил такой дворец?

– Вообще-то для детей, но в нём будет сосредоточено всё управление нашей страной, – улыбаясь, Марк за локоток вывел жену из дворца.

Свернув направо, он повёл её вдоль колоннады, слева в шагах пятидесяти стояло шесть одинаковых двухэтажных домов.

– Марк, я не перестаю удивляться твоим идеям, ты можешь, наконец, мне всё объяснить!

– Всё не смогу, но кое-что попытаюсь, – опять с улыбкой сказал Марк, – ну вот, смотри, это наш дом, – кивнул он на третье здание.

Скора увидела перед собой двухэтажный каменный дом с большими окнами и тёмно-коричневой черепицей на крыше. Аккуратные маленькие колонны на балконе второго этажа хорошо сочетались с колоннами дворца.

– Снаружи очень красиво, – задумчиво произнесла она.

– Пойдём, посмотрим внутри, – улыбнулся Марк.

Зайдя внутрь Скора увидела большую прихожую, затем просторный обеденный зал, рядом кухня. Дальше по коридору был расположен рабочий кабинет, с другой стороны за дверью оказалась небольшая терма с маленьким бассейном. Так же на первом этаже было ещё несколько подсобных помещений.

На втором этаже Марк показал жене их спальню, две спальни для детей, большую игровую комнату и ещё несколько помещений. Скора вышла на балкон, судя по всему ей дом понравился. Во всяком случае, Марк увидел в её глазах искорки женщины, у которой уже начали роиться планы как обустроить это жилище.

– Марк, я заметила, что все дома внешне похожи, а внутри они так же хороши?

– Да и внутри они все точно такие же.

– А для кого все остальные дома?

– Весной из Греции возвращаются наши будущие учителя три девушки и семь юношей эти дома для них, если они согласятся работать учителями, – улыбнулся Марк.

– Марк, мне кажется, что пора созывать совет старейшин, – Скора подошла к мужу и обняла его.

- Милая, думаю, что ты права, – ответил Марк, целуя жену.
- Я люблю тебя!
- И я люблю тебя!

Через четыре недели Марк, в сопровождении десятка воинов въехал на понтонный мост через Рону. Течение и паводки на этой реке были настолько сильными, что не позволяли построить стационарный мост. На мосту его встретили стражники Колояра, которые сообщили, что император Константин ждёт его в лагере возле города. Отряд шагом поехал за стражниками, встретившись, свевы делились своими новостями и впечатлениями. Марк смотрел на город, раскинувшийся у реки. Арелат являлся важным городом-портом римской провинции Галлия. В городе было множество памятников, амфитеатр, триумфальная арка, цирк, театр. Стражники свернули к большому римскому военному лагерю, который был разбит у стен города. В этом лагере Константин накапливал свои маневренные силы для похода на Рим. Стражники Колояра проводили Марка и его воинов в центр лагеря к палатке императора. О его приезде император знал, поэтому Марка сразу провели к нему в палатку.

Константин стоял возле стола и о чём-то разговаривал со своими офицерами, когда вошёл Марк. Император, увидев его, широко улыбнулся и шагнул ему навстречу:

- Марк, дружище, очень рад, что ты приехал!
- Приветствую вас мой император, – громко сказал Марк, немного смущаясь и пожимая его запястье.

Константин дружески похлопал Марка по спине, потом, повернувшись к офицерам, громко сказал:

– Разрешите представить, Первый трибун Римской империи Марк Флавий, прошу любить и жаловать!

Присутствующие офицеры заулыбались и захлопали в ладоши смутившемуся Марку, но это было ещё не всё. Константин приобняв Марка за плечи кому-то кивнул, это был Колояр, который поднёс римский боевой шлем с чёрным продольным оперением с инкрустацией. Константин взял шлем в руки и передал его Марку со словами:

- Генералы в моей армии носят такие шлемы!
- Марк, смущённо улыбаясь, надел шлем со словами:
- Я рад служить вам, мой император!
- Отлично Марк, через два дня выступаем, через час смотр легионов, я хочу представить им моего нового генерала, переведи дух, Колояр покажет тебе твою палатку, – произнёс Константин, хлопнув Марка по плечу.

Марк и Колояр вышли из палатки. Стражники сразу заулыбались, увидев на Марке генеральский шлем. Принимая поздравления от своих воинов, он вместе с ними шёл за Колояром. Пройдя шагов пятьдесят, Колояр указал на две палатки, одна для Марка, вторая для его охраны. Марк с Колояром зашёл в свою палатку, снял шлем и устало сел за стол. Колояр сел напротив и спросил:

- Как добрался Марк?
- Все патрули в Галлии были предупреждены о моём продвижении, так что без проблем, – улыбнулся Марк.
- Что новенького дома?
- Всё хорошо, собрали старейшин на совет, и они решили заселять Анимамис после сбора урожая, Скуру с детьми я уже переселил в город, Таруська теперь ещё и комендант крепости, – улыбнулся Марк.
- А что строительство уже закончили?

– Остались только отделочные работы во дворце, а казармы Таруська со своими воинами достроит.

– Как дети, жена?

– Всё хорошо, – улыбаясь, отвечал Марк.

– Константин меня в Рим не берёт, – как-то очень грустно сказал Колояр.

– Что так?

– Сказал, что оставляет на моё попечение самое дорогое, свою семью!

– Наверно он прав, ты из-за этого так расстраиваешься? – спросил Марк.

– С чего ты взял, что я расстраиваюсь?

– Тебя что-то гложет, – улыбнулся Марк.

Колояр внимательно посмотрел в глаза своему другу. В это время по всему лагерю раздался сигнал к построению.

– Ладно, пошли, Константин не любит, когда опаздывают, – произнёс Колояр и пошёл к выходу из палатки. Марк, идя за ним, подумал, что всё же, его друга что-то гложет. Колояр опустив голову, направился к палатке императора, а Марк со своими стражниками на лошадях направился к месту построения легионов.

Марк вместе с Константином объезжал построенные легионы. Константин был в парадных золотых доспехах, багряный императорский плащ развевался на ветру, длинное лиловое оперение ниспадало на верхнюю часть спины. Легионы стояли в пешем строю, за исключением своих командиров. Останавливаясь перед каждым легионом, Константин представлял воинам своего Первого трибуна. Марк здоровался за руку с каждым легатом. Затем император говорил своему легиону:

«Солдаты, через два дня мы отправляемся в поход. Мы отправляемся освобождать римский народ от власти узурпатора, который захватил власть в Риме и бросает людей на съедение львам лишь только за то, что они верят другому Богу. Солдаты, в этот раз нам придётся сражаться не с варварами, а с регулярными римскими легионами, которые служат этому узурпатору. Римский народ ненавидит узурпатора и его наёмников, он ждёт нас, как освободителей. Вы самые лучшие воины в мире, я верю в вас!». Легионеры начинали стучать мечами по щиту и кричать: «Бар-р-ра!», Константин под этот древний боевой клич двигался к другому легиону.

Марк, следуя за императором, хорошо понимал значение этого ритуала. Командующий армией, осматривая свои легионы перед сражением или походом, устанавливает с воинами зрительный контакт, и подпитывает их силой своего духа. Марк видел глаза легионеров, в них было полное единение со своим императором. Не раз проверенные в сражениях ветераны, связанные железной воинской дисциплиной, единой целью и воодушевлённые своим любимым командующим эти легионы, становились непобедимыми.

После смотра Константин позвал Марка к себе в палатку. Они подошли к столу с картой Италии.

– Марк, ты ведь достаточно хорошо знаешь Италию?

– Думаю, что да, – улыбнулся Первый трибун.

– Нам предстоит победить превосходящие силы противника. У Максенция, по моим подсчётам, около сорока тысяч преторианцев, столько же тяжёлой азиатской кавалерии и ещё столько же в гарнизонах Турина, Вероны и Медиолана, – говорил Константин глядя на карту.

– Ты забыл ещё одну силу и возможно самую главную, – произнёс Марк.

Константин внимательно посмотрел на своего друга, улыбнулся и, положив руку на его плечо, произнёс:

– Марк ты хороший стратег, твоя мысль летит рядом с моей. Ты единственный мой генерал, который будет знать все детали моего плана этой компании, ну или почти все.

– Благодарю за доверие император, но всё же?

– Ганнибал был врагом Рима, придя в Италию, он просто разорял её. Подойдя к стенам Рима, он не стал их штурмовать лишь потому, что не очень хотел этого, сославшись на выпавший град, как знак свыше. Ты прав, с тех пор стены Рима стали ещё крепче, ещё неприступнее, надеюсь, нам не придётся по ним карабкаться в Рим, – с улыбкой произнёс император, склонившись над картой.

– Полагаешь, что нам удастся выманить его оттуда?

– Полагаю, что нам для начала надо победить Руриция Помпиана, которого Максенций с азиатской конницей отправил сюда.

Марк склонился над картой, и Константин стал рассказывать ему все детали перехода через Альпы и нейтрализации гарнизонов Турина, Вероны и Медиолана. Посвятив своего Первого трибуна во все детали предстоящего похода, Константин убыл в Арелат. Весь следующий день он был намерен провести в кругу своей семьи.

Оставшись за Константина, Марк весь день был занят решением различных вопросов возникающих в ходе подготовки войск к переходам и сражениям. Эта небольшая суматоха вернула его в те времена, когда он сам служил легионерам. Марк с удовольствием отметил, что ему было всё понятно и привычно, в душе он видимо оставался римским солдатом. С особым пристрастием он проверил обеспечение всех легионеров запасными ланцеями двухметровыми деревянными копьями, предназначенными для метания и рукопашного боя. Это было частью тактики Константина в борьбе с тяжёлой азиатской кавалерией Максенция. Так же для борьбы с закованными в железо конниками все воины галльских легионов имели на вооружении палицы обшитые железом. В этот поход Константин смог собрать сорок тысяч легионеров из состава маневренных сил, остальные остались на охране рубежей Римской империи. Своих стражников Марк сделал посыльными, но всё равно к вечеру он изрядно вымотался. Он сидел в палатке, когда к нему зашёл Колояр:

– Приветствую тебя Марк, – как-то без улыбки поздоровался он, – вот зашёл с тобой попрощаться, завтра уходите.

– Да, ещё до рассвета, – улыбнулся Марк.

– Только Боги знают, как я хотел пойти в этот поход, – вздохнул Колояр.

– У каждого своя работа, ты сам сделал свой выбор.

– Если бы только знал, почему я сделал такой выбор!

– Колояр, я уже второй день вижу, что тебя что-то гнетёт, может расскажешь, – спросил Марк глядя в глаза другу.

Колояр не отвёл взгляда и тихо произнёс:

– Марк, я люблю твою жену, – и немного помолчав, добавил, – именно поэтому я так легко согласился возглавить охрану Константина, ты мой друг, и я должен был тебе об этом сказать.

Марк смотрел на Колояра и не знал, что ему ответить. Он вспомнил вечер, который они провели со Скорой перед его отъездом. Уложив детей спать, они спустились на первый этаж своего нового дома, прихватив с собой немного вина, прошли в их маленькую терму. Немного погревшись, они плескались в бассейне, нежились, целовались, занимались любовью. Скорая была очень нежна и ненасытна, он смог её успокоить только в постели...

Марк улыбнулся и вновь посмотрел на Колояра, который понуро сидел напротив.

– Колояр, я ничем тебе не могу помочь, – тихо произнёс Марк, – но то, что сказал спасибо, теперь, я буду уверен, что ты о ней позаботишься, если со мной что-нибудь случится.

Колояр смотрел в его небесные глаза и понимал, что Марк, видимо, любит эту женщину намного сильнее, чем он, поэтому молча встал, и протянув руку, произнёс:

– Нет, Марк, ты, пожалуйста, возвращайся, потому что сильнее тебя, её никто уже любить не сможет.

– До встречи в Риме, друг, – ответил Марк, пожимая протянутую руку.

После ухода Колояра Марк лёг отдыхать. Он с улыбкой вспомнил, как они прощались с женой. Скоря на удивление была бодра, и когда он был уже в седле, сказала:

– Я знаю милый, что всё будет хорошо, поэтому отпускаю тебя с лёгким сердцем!

– Всё будет хорошо, я вернусь, – улыбнулся он в ответ.

– Попробуй только не вернись!

– Я люблю тебя, – сказал он, и нагнувшись крепко в губы поцеловал жену.

– И я тебя люблю, – успела произнести Скоря, и уже вслед крикнула, – мы все тебя любим и ждём!

Марк улыбнулся и заснул.

Константин весь день подписывал документы, возился с детьми, подходил к карте кое-что додумать, потом опять возился с детьми и опять подходил к карте. Ближе к вечеру в его кабинет зашла мать. Константин с улыбкой встретил её:

– Мама, я сам собирался к тебе зайти.

– Сынок, тебе сейчас не до меня, – улыбнулась Елена, поглаживая по спине прильнувшего к ней сына.

– Мама, ты же знаешь, я всегда рад тебя видеть, – произнёс Константин, усаживая мать в кресло.

– Ты завтра отправляешься в поход на Рим.

– Да, теперь это уже необходимо!

– Ты идёшь освободить Рим от тирана.

– Да, мама, – Константин внимательно посмотрел на мать, они понимали друг друга без слов.

– Я надеюсь, что там, в Риме, взойдя на престол, ты не забудешь о Боге!

– Мама, ни один правитель никогда не сможет осчастливить свой народ, если будет думать только о своих амбициях.

– В твоих легионах стало ещё больше христиан, теперь никто не скрывает своей веры, – немного помолчав, произнесла Елена.

– Честно говоря, даже не ожидал, что их будет так много.

– Христиане верят тебе, как верили твоему отцу.

– Я знаю мама, – произнёс задумчиво Константин, и немного подумав, добавил, – я тоже стал чаще думать о Боге.

– Это хорошо, он будет помогать тебе во всех твоих светлых помыслах, – улыбнулась Елена и встала, – пойду я, тебе отдыхать надо, завтра чуть свет уедешь.

– Спасибо мама, что зашла, – улыбнулся Константин.

Елена поцеловала сына, перекрестила и со словами: «Да поможет тебе Бог!», вышла.

Константин сидел за столом. Его мысли текли плавно, на душе было спокойно. Прошло шесть лет с тех пор, как он стал цезарем. Всё это время он добросовестно исполнял свои обязанности на границах империи. Он не ввязывался в борьбу за власть в Риме. Он сохранил свои легионы, и теперь они готовы идти с ним на Рим. А что ему нужно в столице великой империи? Богатство его никогда особо не интересовало. Положение, он и так был в статусе римского императора. Тогда власть, пожалуй, да, власть. Ему нужна была власть, власть над всей империей, вернее единовластие. Он хотел властвовать один. А для чего? Для того чтобы изменить империю. Марк Флавий прав, все пороки империи расползутся из её столицы, именно

поэтому он идёт на Рим. Константин налил себе немного разбавленного вина и продолжил свои размышления.

Константин вспомнил изречение императора Трояна, он был первым в истории Рима, императором из провинции: «Я хочу быть таким императором, какого сам себе желал, если бы был подданным». При нём Римская империя максимально расширила свои границы, был создан фонд помощи бедным, запрещены любые доносы, он обязал сенаторов вкладывать личные средства в развитие провинций, в империи наступил период бурного строительства и строгого соблюдения законности. Все последующие императоры уже не занимались расширением владений империи, а лишь охраной границ и обустройством внутренней жизни.

Для удержания покорённых народов Рим проникается идеей общечеловеческого разума и справедливости. В римской империи одухотворяется значение Рима и идея римского владычества. Римляне времён республики не нуждались в оправдании своих завоеваний. Ещё Ливий находит совершенно естественным, чтобы народ, происходящий от Марса, покорял себе другие народы, и приглашает последних покорно сносить римскую власть, но уже при Августе великий поэт Вергилий, напоминая своим согражданам, что у их назначения – владычествовать над народами, есть моральная составляющая – водворять мир и щадить покорённых.

Идея римского мира (рахгомана) становится с этих пор девизом римского владычества. Её возвеличивает Плиний, её прославляет Плутарх, называя Рим «якорем, который навсегда приютил в гавани мир, долго обуреваемый и блуждавший без кормчего». Сравнивая власть Рима с цементом, греческий моралист видит значение Рима в том, что он организовал общечеловеческое общество среди ожесточённой борьбы людей и народов, но значение Рима вскоре поднялось ещё выше. Устанавливая среди народов мир, Рим призывал их к гражданскому порядку и благам цивилизации, предоставляя им широкий простор и не насилая их индивидуальности. Он властвовал, по словам поэта, «не оружием только, а законами». Мало того, он призывал постепенно все народы к участию во власти. Высшая похвала римлян и достойная оценка их лучшего императора заключается в словах, с которыми греческий оратор Аристид, обратился к Марку Аврелию и его товарищу Веру: «При вас все для всех открыто. Всякий, кто достоин магистратуры или общественного доверия, перестаёт считаться иностранцем. Имя римлянина перестало быть принадлежностью одного города, но стало достоянием человеческого рода. Вы установили управление миром по подобию строя одной семьи». Поэтому в Римской империи появляется представление о Риме, как общем отечестве. Замечательно, что эту идею вносят в Рим выходцы из Испании, давшей Риму и лучших императоров. Уже Сенека, воспитатель Нерона и во время его малолетства правитель империи, восклицает: «Рим – как бы наше общее отечество». Рим создал единое отечество многим народам, римская власть стала благом для покорённых народов против их воли. Рим превратил мир в стройную общину и не только владычествовал, но, что важнее, был достоин владычества. Рим поверг побеждённых в братские оковы и стал общим отечеством. С тех пор, как маленькая община на берегах Тибра разрослась во вселенскую общину, с тех пор, как расширяется и одухотворяется идея Рима и римский патриотизм принимает моральный и культурный характер, – любовь к Риму становится любовью к роду человеческого и связующим его идеалом. Задача соратников Ромула, отнимавших у соседей, сабинян, их жён и поля, превращается, таким образом, в мирную общечеловеческую задачу. В области идеалов и принципов, провозглашённых поэтами и философами, Рим достиг высшего своего развития и стал образцом для последующих поколений и народов, и связывали они это с периодом правления императоров Трояна и Марка Аврелия – императора философа, который говорил:

«Время человеческой жизни – миг, её сущность – вечное течение, ощущение смутно, строение всего тела бrenно, душа неустойчива, судьба загадочна, слава недостоверна. Одним словом, всё относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе – сновидению и дыму.

Жизнь – борьба и странствие по чужбине, посмертная слава – забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии».

Константин улыбнулся этой мысли и отпил ещё несколько глотков вина. Внутри каждого человека есть всегда то, что заставляет его поступать в жизни тем или иным образом, эти поступки становятся его образом для окружающих и остаются в памяти людей. Все мы смертны, простой человек и император, у всех свой путь, своё предназначение. Совершенно не важно, кем ты родился, важно, кем ты стал, что ты сделал. Люди запомнят тебя по твоим свершениям. Император Коммод был сыном Марка Аврелия, Нерона воспитывал великий Сенека, ну и конечно Калигула, их ужасные деяния потомки никогда не забудут. Такая волнообразность свершений римских императоров с недавних пор стала предметом его размышлений. Было понятно, что в современном быстро меняющемся мире для императорской власти была необходима новая мощная платформа. Тетрархия Диоклетиана для этого не подходила или была неким временным сооружением для наведения порядка в империи, теперь империя нуждалась в общей объединяющей идее, одинаково принятой и властью, и теми многочисленными народами, находящимися под этой властью. И самое главное, эта идея, чтобы обеспечить преемственность, должна связать и всех последующих правителей империи во времени. Конечно, такой идеей могло стать христианство, которое очень хорошо сочеталось с идеей «римского мира».

Константин стал прохаживаться по кабинету. Христианство ещё не получило достаточного распространения в империи, особенно в западной части, но однако его испанские, британские и конечно галльские легионы в большей своей части состояли их христиан. По докладам префектов соответствующих провинций эти солдаты вызвались в поход добровольно. Христианство распространялось и приобретало вес в первую очередь в городах. Его идеи, прозвучавшие впервые в суматохе морских торговых центров, набирали силу в тех городах, где пылкий дух греков оказывал на римлян самое большое влияние. Христианство не было религией земледельцев, хотя в нём присутствовали отдельные элементы, которые со временем сделают его привлекательным и для сельского населения. На данном этапе новая религия вербовала себе сторонников из среды ремесленников и торговцев, которые знали цену деньгам и разбирались в законах торговой жизни. В определённом смысле законы и заповеди христианства были лишь нормами жизни развитого общества, подкреплёнными более совершенной теологией, за которой стоял авторитет бессмертного и милостивого Бога. Ни один государственный деятель, взглянувший на законы христианства под этим углом зрения, не станет преследовать людей, разделяющих подобные идеи. Константин, сев в кресло, вздохнул, понимая, что ещё очень долгое время ему придётся быть в меньшинстве, и тут же вспомнил изречение Марка Аврелия:

«Задача жизни не в том, чтобы быть на стороне большинства, а в том, чтобы жить согласно с внутренним, сознаваемым тобой законом».

Его размышления прервал приход жены,

– Дорогой, извини, что оторвала тебя от размышлений, но уже поздно и я замёрзла, – произнесла она сев на колени к мужу.

– Да, конечно, извини, задумался, – улыбнулся Константин, целуя жену.

Исполнив свой супружеский долг, Константин уснул крепким здоровым сном. Фауста немного повздыхав, пристроилась на его сильном плече, тоже уснула. Она уже привыкла к тому, что муж никогда не будет принадлежать ей полностью, дела империи у него всегда будут стоять на первом месте. Ей снился Рим, ликующие люди, восторженные взгляды и возгласы, обращённые к ней, сидящей на троне в своём дворце.

Рассвет ещё только начал алеть, когда Константин вышел из дворца. Сразу за дверью его ожидала мать. Она перекрестила его, поцеловала в щёку и произнесла: «С Богом сынок, береги себя!». Чуть дальше, возле ступеней его ждала жена. Они обнялись, поцеловав его, Фауста сказала: «Желаю тебе победы, я сразу приеду к тебе в Рим!». Константин улыбнулся, кивнул и стал спускаться по ступеням. Внизу его ждали Колояр, префект претория Галлии Тиберий Гай Луциус, чуть дальше сотня воинов его личной охраны.

– Приветствую вас мой император, – поздоровался первым Тиберий, – ждём вас с победой.

– Тиберий не торопись, я ещё и до Италии не дошёл, – улыбнулся император, пожимая ему руку, – в Галлии ты остаёшься за меня, надеюсь, что всё будет в порядке.

– Можете не сомневаться!

– Хорошо, я сообщу, когда моей семье можно будет приехать в Рим, – кивнул Константин и повернулся к Колояру.

– Колояр, я знаю, что ты обижаешься на меня, поверь, я доверяю тебе самое ценное, что есть у меня, а сотни твоих молодцов для моей личной охраны вполне хватит, да и Марк за мной присмотрит, – улыбаясь, произнёс Константин.

– Я уже всё рассказал Марку, – ответил Колояр, пожимая руку императору.

– Вот и отлично, – Константин запрыгнул в седло, глянул в сторону дворца на свою матушку и жену, вскинул правую руку вверх и пришпорил коня.

Через полчаса Константин подъехал к небольшому холму, на котором верхом на лошади находился Марк со своей охраной. Они поздоровались, и стали вместе наблюдать, как войска выходили из лагеря, строились в колонны и начинали движение на север. Вскоре все восемь легионов вытянулись за горизонт. Марк отметил, что император заменил свои парадные доспехи, на более лёгкие, походные.

– Ну, что Марк пора, – спросил с улыбкой Константин.

– Да, пожалуй, – согласился Марк.

– Ну, тогда с Богом! – не громко произнёс император, пришпорил коня и помчался в голову колонны.

Марк вместе со стражниками помчался за ним, размышляя о сказанных Константином словах. Константин летел, словно на крыльях, было ощущение, что его кто-то несёт над землёй.

Глава III

Колонна армии Константина, состоящая в основном из тяжёлой галльской конницы и лёгкой испанской кавалерии, поднималась по дороге на перевал горы Женевр в Альпах. Марк Флавий ехал рядом с императором во главе колонны. Впереди были только конные дозоры. Оглядывая красивые горные пейзажи, Константин произнёс:

– Ровно пятьсот лет назад по этим местам проходили войска Ганнибала.

– Но тогда здесь не было такой удобной дороги, – ответил Марк, оглядываясь на растянувшиеся войска.

– Вот и я о том же, боевые слоны преодолевали эти горы без всяких дорог, решиться на это, уже был подвиг.

– Если слоны не побоялись переправиться на плотках через быструю Рону, то горы им были уже не страшны, – улыбнулся Марк.

– Да, но всё-таки Ганнибал потерял в снегах Альп половину своих слонов и половину войска, – задумчиво произнёс Константин.

– Это не помешало ему дойти до Рима, – ответил Марк и опять оглянулся.

– Не беспокойся Марк, они встретят нас возле Турина, – произнёс Константин, перехватив взгляд друга, – но скоро должны появиться их разъезды.

– Я смотрю, не сильно ли отстаёт обоз, – улыбнулся Марк, – ну и люблюсь красотой гор.

– Ты прав, здесь очень красиво.

В синей дали на вершинах самых высоких гор лежал снег. Вершины менее высоких соседних гор были покрыты густыми хвойными лесами, ниже росли лиственные деревья, края дороги облюбовали кустарники. Яркое солнце освещало всё это изумрудное буйство. Между тем голова колонны стала спускаться с перевала в долину. В это время прискакал посыльный и сообщил, что передовые дозоры встретили разъезды противника и отогнали их.

– Ну, вот, как я и предполагал, – улыбнулся Константин, затем, увидев впереди небольшой холм, произнёс, – поедем Марк, я расскажу тебе, как мы будем сражаться у Турина, – и устремился к холму. Марк вместе со стражниками последовал за ним.

С холма была хорошо видна вся долина и где-то возле самого горизонта очертания Турина. Стоя на вершине холма, император подробно рассказал Марку план сражения. Константин предположил, что до начала сражения оставалось не более четырёх часов. Затем они спустились к войскам и поскакали в голову колонны.

Через четыре часа передовые дозоры сообщили о появлении тяжёлой конницы Руриция Помпиана. Войска Константина начали строиться в боевые порядки. Как и предполагал император, противник встретил его армию у стен Турина в широком поле. Дело в том, что тяжёлая конница, при всех её преимуществах имеет некоторые тактические недостатки. Она недостаточно маневренна и для сражения ей требуется большое пространство. Поэтому Константин смог предугадать действия противника и правильно организовать боевые порядки своих легионов. Марк стоял рядом с Константином на небольшой возвышенности. Войска уже построились для битвы. В центре сосредоточились тяжёлая конница галльских легионов, которые были вооружены дополнительными палицами, причём в самом центре было сосредоточено два легиона один за другим, и второй стоял в пешем строю. Остальные галльские легионы были растянуты влево и вправо от двух центральных. На флангах была сосредоточена быстрая и лёгкая испанская кавалерия. Ещё один легион лёгкой испанкой конницы стоял за спиной командующего в резерве. На поле появилась тяжёлая азиатская конница противника, поблёскивая своими железными латами на солнце. Она была построена клином. Немного приостановившись, видимо для рекогносцировки клин начал набирать скорость. Вскоре конники противника мчались остриём клином, направленным в центр стоящих войск Константина.

Когда до противника оставалось триста шагов, пеший легион выбежал вперёд и построил две линии черепах в шахматном порядке. Укрывшись щитами со всех сторон, легионеры были неуязвимы для противника. Мчащиеся воины совершенно не ожидали встретить такое препятствие на своём пути, поэтому пытались либо перепрыгнуть черепаху, либо отвернуть, что привело к резкому снижению скорости атаки и скоплению всадников возле черепах. Некоторые всадники, вскочив на черепаху, стали вдруг падать. Великолепно обученные легионеры Константина строили черепахи, таким образом, что выдерживали на своих щитах всадника. Затрубил рог, черепахи рассыпались, из них появились галлы, которые стали крушить палицами, закованных в железо азиатских всадников. Многие из них, лишившись своих лошадей, пытались сражаться в пешем строю. Но опытные галлы уже поймали кураж и были непобедимы. Опять прозвучал рог, и все пешие галлы бегом вернулись назад. Пробежав сквозь строй своих конных товарищей, они сели на своих лошадей и опять были готовы к бою. Как только последний пеший галл покинул поле боя, в остановившихся воинов Руриция Помпиана полетели копья конных галлов, нанося существенный урон противнику. Все эти, очень быстрые и слаженные действия легионеров Константина привели в замешательство противника. Центр войск Руриция Помпиана дрогнул и стал пятиться. Их стал крушить второй центральный легион галлов. Фланги армии Константина тоже вступили в сражение. И там галлы, метнув свои копья в противника, начали крушить воинов Руриция Помпиана своими палицами. Как крыльями огибая противника с флангов, лёгкая кавалерия Константина врезалась в отступающие колонны азиатов.

Император с улыбкой наблюдал, как его доблестные легионы громили противника. Марк стоял с ним рядом, ожидая его приказа, переминался с ноги на ногу. Сам вид сражения, его звуки, вызывали у него некоторый зуд в ладонях. Нет, Марк Флавий не был кровожадным, но он был солдатом, и если ему сегодня предстояло вступить в бой, то пусть это случится быстрее. Наконец Константин произнёс:

– Марк, возьми резервный испанский легион, обойди наши войска слева за строем и на полном скаку ударь им в тыл, вон там, – император показал рукой направление атаки.

– Я всё понял, – улыбнулся Марк, запрыгнул седло, умчался вместе со своими стражниками.

Константин с улыбкой наблюдал, как его легионы теснят противника. С помощью железной дисциплины и удачных манёвров своей армии он смог свести на нет все количественные и качественные преимущества тяжёлой азиатской конницы. Увидев, как Лёгкая испанская кавалерия во главе с Марком ударила в тыл уже отступающему противнику, Константин спустился вниз к своему легиону, который первый в пешем строю вступил в сражение. Построив его клином и встав во главе, император махнул рукой, всадники начали движение за своим командующим в сторону сражавшихся войск. Набрав скорость, Константин опять махнул рукой, затрубил рог, по этой команде его войска расступились, и противник увидел летящую на него лаву свирепых галлов во главе с римским императором.

Испанский легион под командой Марка, промчавшись позади своих войск, ударил по отступавшим войскам противника. Увидев перед собой свежие силы, противник побежал в сторону Турина, но жители закрыли ворота города, что вызвало ещё большую панику. Марк решил не преследовать убегающих воинов противника, а закрыть своим испанским легионом мешок, в котором оказался противник. Через два часа всё было кончено, хваленая азиатская, тяжёлая конница Руриция Помпиана была разгромлена у ворот Турина. Константин встретился с Марком на поле боя. На их доспехах были следы ударов мечей и крови противника. Солнце уже зацепилось за горизонт, начинало темнеть. Марк рассказал Константину о закрытых воротах Турина. Константин улыбнулся и, оглянувшись на поле усеянное телами противника, произнёс:

– Дело сделано, надо обговорить условия сдачи Турина.

– Мы не будем входить в город? – спросил Марк.

– Нет, мы немедленно отправляемся в Медиолан, пока они там не опомнились, – усмехнулся Константин.

Турин сдался на милость победителю. Император Константин обязал жителей города провести захоронение убитых в сражении, его войска пополнили запасы воды и пищи и направились в сторону Медиолана.

Жители Медиолана ещё видели самые сладкие утренние сны, когда у его ворот появились легионы императора Константина. Ворота были открыты и возле них стояли члены городского совета. Медиолан сдавался на милость победителю. Константин не стал вводить свои войска в город. Легионы расположились у стен Медиолана, а император с ближайшим окружением и стражей проследовал во дворец, резиденцию римских цезарей и августов западной части империи.

Константин уже пообедал в императорском дворце, когда в Риме стало известно о разгроме хвалёной азиатской конницы, падении Турина и Медиолана. После обеда Константин принял у себя главу городского совета, предъявил ему подлинник указа Галерия о веротерпимости по отношению к христианам. Прочитав его, тот согласился, что данный указ является обязательным для исполнения на всей территории Римской империи. В тот же день копии указа были отосланы во все города северной Италии.

Максенций был в бешенстве. Он ходил по кабинету, размахивал руками и орал:

– Тридцать тысяч закованных в железо всадников были разгромлены в течении нескольких часов, как это возможно? Как это возможно, кто мне может сказать? Что у Константина было сто тысяч воинов?

– Успокойся, мы пока точно не знаем потери возле Турина, – пытался его урезонить Нумерий.

– Турин закрыл ворота перед моими войсками, а потом сдался Константину! – не унимался Максенций.

– Не всё ещё потеряно, Руриций Помпиан стоит с войсками в крепости Верона. Эту крепость Константину никогда не взять, – произнёс Нумерий.

– А зачем ему её брать, он теперь может сразу идти на Рим, – истерично закричал Максенций, – и через три дня он будет здесь.

– Константин не пойдёт на Рим пока не возьмёт Верону, он не так глуп, чтобы оставлять у себя в тылу Руриция Помпиана, – ухмыльнувшись, сказал Нумерий.

– Наверное, ты прав, – подумав, сказал Максенций, – но всё равно надо сходить к чревоуещателям, они мне всегда всё точно предсказывают.

– Сходи, конечно, – улыбнулся Нумерий.

– А ты не улыбайся, думаешь, тебя Константин пощадит?

– Слушай, ты же правитель Рима, с тобой весь римский народ, вся преторианская гвардия, гарнизон, у тебя тысяч восемьдесят воинов наберётся. Если надо можно набрать ещё тысяч тридцать войска, у тебя нет причин для беспокойства, даже Ганнибал не смог взять Рим.

– Ты прав, надо набрать ещё войска, – нервно произнёс Максенций, и крикнул охране, – вызовите ко мне префекта Себастьяна!

– Дорогое это удовольствие быть императором, – глядя в глаза Максенцию, произнёс Нумерий.

– Да, не дёшево мне армия обходится!

– У тебя есть свой монетный двор, так что проблем быть не должно.

– А где столько золота взять, ты же мне своего не дашь?

– Да у меня-то, откуда, – улыбнулся Нумерий.

– У тебя золота больше чем у меня, – усмехнулся Максенций.

- У меня наличности нет, все средства в деле, ты же знаешь, – улыбаясь, солгал Нумерий, вот уже целый год, переводивший все свободные средства в золотые солиды Константина.
- Твоя империя побольше моей будет!
- Да какая империя, одна торговля!
- Зато по всему Mare Nostrum (Наше Море – римское название Средиземного моря).
- Ты прав, торговля не знает границ, – усмехнулся Нумерий.
- Вот я и говорю, мои владения имеют гораздо меньшие границы, чем твои, – возвращаясь к грустной реальности, произнёс Максенций, увидев префекта преторианцев Себастьяна.

Нумерий не вступал в разговор императора и командира его гвардии, он просто слушал и наблюдал. Максенций приказал Себастьяну срочно набрать ещё тридцать тысяч легионеров в свои войска. На что Себастьян ему резонно заметил, что на это потребуется не меньше месяца. Император сообщил ему, что месяца у них нет, и в его глазах Нумерий увидел страх. Далее Максенций начал кричать, что уже через неделю армия Константина может появиться у ворот Рима. Себастьян всё равно оставался спокойным, поэтому Нумерий решил кое-что предпринять.

На следующий день в разных местах города жители Рима начали открыто вступать в конфликты с преторианцами. Всё это происходило в основном на рынках, собираясь группами, по пять десять человек, выкрикивая различные проклятия, они забрасывали гвардейцев гнилыми овощами. Преторианцы, вынуждены были ретироваться. На следующий день повторилось то же самое, но в этот раз преторианцы не стали отступать и в возникшей потасовке было убито двое жителей Рима. Это вызвало возмущение по всему городу, люди вышли на улицу и требовали расследования убийства от властей. Преторианцы быстро и достаточно жёстко подавили народное возмущение. Вечером Максенций выслушав доклад префекта преторианцев Себастьяна, обратил его внимание на то, что впредь его солдатам не следует появляться в общественных местах в одиночном порядке. Для сохранения общественного спокойствия были удвоены ночные и дневные преторианские патрули. Это почему-то вызвало достаточно негативную реакцию у сенаторов и жителей Рима.

Константин дал отдохнуть своим легионам и через три дня выступил из Медиолана в сторону крепости Вероны, которая являлась штаб-квартирой войск Руриция Помпиана. Двигаясь на северо-восток, Константин повернул на юго-восток возле Бергамо. Вскоре войска Константина встретили конные дозоры врага, которые отступили к Вероне. Крепость Верона была построена в излучине реки, и подойти к ней можно было только с одной стороны. Мост соединял крепость с Венецией, расположившейся на противоположном берегу. У Вероны, река Адидже протекает в узком ущелье. Даже галлы легионов Константина сначала не осмеливались переходить эту быструю и опасную реку. Однако другого выхода не было, и войска, переправившись, отрезали Верону от окружающего мира. Константин, осматривая стены крепости, мрачно сказал Марку:

- На этих стенах мы потеряем много времени и самое главное много солдат.
- Что ты намерен делать?
- Пока не знаю, – усмехнулся император, – надо заставить Руриций пойти на прорыв.
- Значит осада? – спросил Марк.
- Уж лучше потерять время, чем людей.
- Согласен, – улыбнулся Марк.

Тем временем легионы Константина расположились вокруг крепости, взяв её сухопутную часть в плотную блокаду. Легионеры сразу стали готовить к работе катапульты. Через два часа на головы защитников полетели тяжёлые камни и горшки с греческим огнём. Так же с помощью метательных машин «скорпионов», крепость стали обстреливать большими горящими стре-

лами. В крепости начались пожары. С наступлением темноты к стенам крепости подъезжало несколько сотен галльских лучников, которые выпускали множество горящих стрел, оказывая психологическое давление на защитников крепости. Так продолжалось трое суток и нервы веронцев не выдержали. В третью ночь, сразу после того, как галльские лучники возвратились в лагерь после ночного обстрела, ворота крепости открылись, и войска Константина атаковала конница защитников Вероны. Это были уцелевшие конники тяжёлой азиатской кавалерии. Хотя атака была произведена достаточно неожиданно, она была отбита, но часть конницы прорвалась и вместе с ней, как оказалось, префект Руриций Помпиан. Об этом рассказали захваченные в плен веронцы. Так же они сообщили, что в крепости продуктов осталось ещё на две недели, обстрелы катапультами уничтожают дома горожан и среди защитников зреет недовольство, теперь все надеются на войска, которые должен собрать префект. Узнав об этом, Константин сразу приказал усилить обстрел крепости. Так же были разосланы многочисленные дозоры, особенно в восточном направлении в сторону провинций Венетия и Истрия, именно туда направился Руриций Помпиан.

Нумерий наблюдал за Максенцием, который нервно ходил по кабинету. Это была ещё не паника, но страх свозил в его походке, в голосе и во взгляде.

– Я верю в Руриция, он сможет собрать необходимые войска, разблокировать Верону и остановить Константина, – произнёс Максенций, остановившись возле стола с картой Италии, – он же главнокомандующий войсками региона X, в провинциях Венетия и Истрия, можно набрать новые легионы.

– Войска-то набрать можно, но вот в остальном, Сенат сомневается, – ухмыльнулся Нумерий.

– А меня не интересует мнение Сената!

– Это ты зря, мнение Сената, это мнение народа.

– Ну и что там говорит народ, – нервно спросил Максенций.

– Народ не хочет, чтобы их дома жгли греческим огнём, народ не хочет, чтобы в их дом пришла война!

– Так ведь это не я иду на Рим с войной!

– Народ считает, что Константин не Ганнибал, он такой же римский император, как и ты!

– Что ты хочешь этим сказать? – опять нервно спросил Максенций.

– Это не я, это народ так думает.

– Хорошо, хорошо, а ты сам-то что думаешь?

Нумерий внимательно посмотрел в глаза Максенцию и ответил:

– Во всяком случае, римляне не будут пугать друг друга и своих детей фразой *Constantinus adportam* (Константин у ворот – перефразировка знаменитой фразы «Ганнибал у ворот» – прим. автора).

– Что же мне делать? – опустив голову, спросил Максенций.

– У Константина в три раза меньше войск, чем было у Ганнибала, поэтому он никогда не решится на штурм Рима, но он не разоряет Италию, его войска не грабят покорившиеся ему города, – с учтивым сочувствием говорил Нумерий.

– К чему ты мне это говоришь?

– К тому, что если ты захочешь отсидеться за крепкими стенами Рима, то можешь получить восстание народа против себя внутри города, – продолжал по отечески наставлять Максенция сенатор, – у тебя войска в два раза больше чем у Константина, с тобой твоя гвардия, а после того, как он поступил со своими гвардейцами, преторианцы будут сражаться за собственную шкуру, до последнего вздоха.

– Я подумаю, – упавшим голосом произнёс Максенций.

– В любом случае надо подождать, чем закончится осада Вероны, – улыбнулся Нумерий.

Он не стал говорить ему о том, что римляне считают Максенция самозванцем и деспотом, что в Сенате у него уже не осталось друзей и даже сочувствующих, что народ ждёт Константина, как своего освободителя.

Через десять дней дозоры сообщили Константину о продвижении в сторону Вероны тридцатитысячного войска под командованием Руриция Помпиана. Император решил двинуться навстречу ему силами трёх галльских легионов. Все остальные войска он оставил под командованием Марка Флавия для продолжения осады. Константин встретил армию противника в двадцати милях на юго-восток от Венеции. Сначала Руриций отказался принять бой, поскольку намеревался силами своего войска совершать вылазки и постепенно изматывать армию, осаждавшую Верону. Константин решил навязать ему сражение, чтобы вовлечь Руриция в битву, он велел своим войскам построиться как можно теснее. Его план сработал, к вечеру Руриций решил сражаться. Когда войско Руриция продвинулось достаточно далеко и уже не могло повернуть назад, Константин приказал флангам задних рядов наступать. Опытная кавалерия галлов очень быстро взяла противника в кольцо и сдавила смертельными клещами. Битва, начавшаяся на закате, длилась всю ночь. Когда начало светать, поле битвы было усеяно телами итальянцев. Погиб и сам Руриций Помпиан. Утром к воротам Вероны пленённые галлами солдаты подкатили телегу с телом своего командующего. Верона сдалась на милость победителю. Путь на Рим был открыт.

Претор Клавдий Валерий разбирал бумаги от судей, когда к нему в кабинет зашёл префект Рима Гай Цейоний Руфий Волузиан. Клавдий давно был знаком с нынешним градоначальником, он хорошо знал своё дело, добросовестно выполнял свои обязанности, которых у него было масса, никогда не кичился своим знатным происхождением, был со всеми подчинёнными требователен и сдержанно приветлив.

– Приветствую тебя Клавдий, – улыбаясь, поздоровался Гай Руфий.

– И вам хорошего дня, – ответил претор с улыбкой, пожав руку префекта.

– Как у тебя дела?

– Да всё то же самое, рутина, суды работают в обычном режиме, хотя в последнее время нет судебных разбирательств в отношении христиан.

– С чем это связано, как ты думаешь?

– Думаю, что тут имеет место два главных аспекта, первое – христиане стали вести себя более осмотрительно, и второе – люди стали относиться к ним с большим сочувствием.

– Возможно, ты прав, в любом случае закон одинаков для всех, – серьёзно произнёс Гай Руфий, – даже для императорской гвардии.

– Странно, но в последнее время в суды на них заявлений тоже не поступало, – ответил Клавдий.

– Ничего странного, сейчас они озабочены действиями Константина на севере Италии, поэтому и притихли, ничего хорошего они от него не ждут.

– Ты думаешь, что Константин пойдёт на Рим?

– Конечно, какой смысл тогда было переходить Альпы, покорять Турин, Медиолан и осаждать Верону, всё это борьба за власть и с точки зрения римского права Константин, в отличие от Максенция, является законным императором.

– Но ведь это народ Рима призвал Максенция на власть, – возразил Клавдий.

Гай Руфий задумался. Клавдий уважительно молчал. Через несколько минут префект Рима произнёс:

– Народ может себе позволить поступать в соответствии со своими древними нравами и обычаями, которые являются источниками римского права, но только в тех случаях, в которых мы не пользуемся писаными законами.

– Но назначение Максенция императором утвердил Сенат, – возразил Клавдий.

– Да, но на совещании в Карнунте он был объявлен узурпатором!

– Таким образом, мы имеем правовую коллизию, которую в принципе можно было бы разрешить в суде, – усмехнулся Клавдий.

– Ты представляешь, насколько бы люди жили счастливее, если бы все претенденты на титул императора решали свои споры в суде, а не в сражениях, – грустно произнёс префект Рима.

– Константин является законным императором, но думаю, что он не будет обращаться в суд, – задумчиво произнёс Клавдий.

– Вот именно, – вздохнул Гай Руфий, – мне почему-то кажется, что у него хватит ума и выдержки не штурмовать Рим, во всяком случае, до сих пор, он старался действовать в соответствии с римскими законами и традициями.

– Будем надеяться, – улыбнулся Клавдий.

– Да, чуть не забыл, ты знаешь, что Константин назначил твоего друга Марка Флавия своим Первым трибуном и он сейчас с ним.

– Марк Флавий стал генералом, очень рад, – улыбнулся Клавдий.

– Возможно, вы скоро встретитесь здесь в Риме, – улыбнулся Гай Руфий, вставая, – ладно, пойду, сегодня много работы, впрочем, как и всегда.

Вечером, придя с работы, Клавдий за ужином рассказывал о Марке Флавии своей жене Лукреции:

– Марк Флавий стал генералом и с войском Константина наверно уже движется на Рим.

– Говори тише, дети спят, – улыбнулась Лукреция, – я даже не знаю, как мне к этой новости отнестись.

– Ты знаешь, я очень рад за него, Марк отличный друг и очень хороший человек.

– Я знаю, но меня с ним связывают только общие приятные воспоминания и больше ничего, хотя нет, его библиотека, которую я обещала ему сохранить.

– Лукреция ты забыла, Аврелий его сын.

– Нет, любимый, Аврелий наш сын, твой и мой, – произнесла Лукреция, обнимая мужа.

– Я люблю тебя, – прошептал Клавдий, целуя свою жену.

– И я люблю тебя!

Позже в спальне, когда они уже нежились после бурной страсти Лукреция, лёжа на груди у мужа, сказала:

– Ты знаешь, женщины конечно помнят своих любовников телом, но только до того момента, пока в их жизни не появляется мужчина, который полностью заполняет их душу и тогда, эта память исчезает, потому что душа сильнее тела.

– Милая, я тоже люблю тебя всей душой и телом, у меня такое ощущение, что они во мне слились во что-то единое целое. На работе я летаю, делаю массу дел и жду вечера. Дома я целую тебя, занимаюсь с Аврелием, играюсь с Оливией и жду ночи, чтобы обнять тебя, я счастлив, спасибо тебе. Он нежно поцеловал её волосы, она чмокнула его куда-то в грудь, обнявшись, они крепко уснули.

Константин проявил милость и не стал причинять вред крепости Верона и её защитникам. Приняв покорность от Вероны и Венеции, Константин отвёл свои войска на десять миль от города для пополнения запасов и отдыха легионов. Утром следующего дня Константин беседовал в своей палатке с Марком Флавием, когда ему сообщили о прибытии к воротам лагеря тысячи легионеров из Медиолана, которые хотят вступить в его армию.

– Это, что-то новое, пойдём, посмотрим Марк, – удивлённо произнёс Константин.

– Давай сначала решим, что мы будем с ними делать.

– Ладно, согласен, и что мы будем с ними делать?

– Вот смотри, я не успел тебе доложить, это сведения о потерях со всех легионов, – Марк придвинул императору листок бумаги.

– Потери в каждом легионе не очень велики, но в сумме получается больше трёх тысяч.

– Думаю, что есть смысл сначала пополнить легионы из вновь прибывших воинов, – улыбнулся Марк.

Немного подумав, Константин кивнул:

– Ты прав, мы только пополним свои легионы, мне необходимы маневренные и понимающих мои команды войска, новых легионов набирать не будем!

В сопровождении охраны Константин и Марк подъехали к воротам лагеря. Там их ожидал строй кавалерии во главе, которой был седой префект. Он назвал своё имя, Амплий Валерий, и затем произнёс:

– Мы приветствуем тебя император Константин, мы – это римские граждане и жители италийских городов Турина и Медиолана! Половина из нас христиане, но есть и те, кто ненавидит Максенция и по другим причинам! Мы хотим пойти с тобой на Рим, чтобы свергнуть власть тирана и вернуть на нашу землю спокойствие и процветание! Мы не наёмники и просим зачислить нас добровольно в твоё доблестное войско!

Константин торжественно ответил:

– Я с пониманием отношусь к пожеланию жителей Италии и с удовольствием приму вас в свои легионы. Мы вместе освободим Рим от того, кто бросает людей на съедение диким животным только за то, что они верят в другого Бога.

После этого он в сопровождении префекта объехал строй. Воины без команды стали стучать мечами в свои щиты. Сразу после этого Марк занялся зачислением добровольцев в легионы. В течение трёх последующих дней Константин восполнил свои легионы до штатной численности италийскими добровольцами. В основном это были христиане, которые считали именно Константина своим императором. Марк Флавий получил указание от императора поставить всех вновь прибывших воинов на денежное довольствие наравне со всеми остальными легионерами. Через неделю армия Константина двинулась на юг Италии. По пути следования войск, вдоль дорог очень часто стояли люди, которые крестились сами и провожали крестом проходящие легионы. Константин был задумчив и неразговорчив.

Разгром войск Руриция Помпиана на севере Италии и его собственная гибель ввергли в растерянность офицеров Максенция. Скорость, с которой продвигалась армия Константина, их поразила. Офицеры Максенция колебались, никто не жаждал первым признать тот факт, что их переиграли и перехитрили. Сенатор Нумерий взял на себя обязанность известить Максенция о реальном положении дел. Максенций был в ярости. Он ходил по кабинету и кричал:

– За что я плачу им деньги, они проигрывают сражения противнику, у которого в два, в три раза меньше войск? Он идёт на Рим! Надо что-то делать!

– Успокойся, надо хорошенько подумать, что мы можем предпринять, – с ухмылкой произнёс Нумерий.

– Что, что мы можем предпринять? Я закроюсь в городе, даже Ганнибал не смог взять Рим! – продолжал орать Максенций.

– У тебя не будет такой поддержки римского народа, как у диктатора Фабия Максима.

– Почему? – спросил удивлённо император.

– Потому что народ не считает Константина разрушителем Римской империи.

– А кем же он его считает?

– Он считает его твоим соперником в борьбе за власть, только и всего, – ответил Нумерий. Максенций внезапно успокоился и задумчиво остановился возле стола с картой.

– Константин пойдёт на Рим по самому краткому пути, по Фламиниевой дороге, – произнёс он, – он обязательно пойдёт по этой дороге.

– Ты стал интересоваться военной тактикой, – спросил, улыбаясь Нумерий.

– Это мне мои вояки рассказали, – ухмыльнулся Максенций.

– Что они ещё тебе рассказали?

– Ты прав, Константина надо встретить за пределами Рима, и ждать мы его будем вот здесь!

Нумерий подошёл к столу и увидел, что Максенций показывает на Мульвийский мост через Тибр у Красных скал.

– Ты намерен стать у него на пути?

– Да именно так, я уже дал команду выдвинуться туда войскам, а чтобы предотвратить его попытку с хода переправиться через Тибр я приказал разрушить один пролёт Мульвийского моста!

– Ты думаешь, это поможет?

– Константин почти всегда воюет флангами, атакуя одним из флангов, он стремится прорвать оборону и выйти на заданный рубеж, а в данном случае, разрушенный мост заставит его сражаться с моей гвардией, – произнёс Максенций, затем отошёл от стола и продолжил, – и тогда мы ещё посмотрим кто из нас победитель!

– Возможно, ты прав, – задумчиво произнёс Нумерий, – а как же без моста?

– Я уже дал команду построить временный мост ниже по течению, – явно любуясь собой, сказал Максенций.

– Другими словами, ты готов встретиться с Константином?

– А что у меня есть какой-то другой выход?

– Пожалуй, другого выхода у тебя нет, а что говорят твои оракулы?

– Пока ничего внятного я от них не добился, – уныло ответил Максенций.

– Мне кажется, что всё будет хорошо, – улыбнулся Нумерий, собираясь уходить.

– Пойду к ним, может быть, что-то прояснилось, – кивнул ему Максенций на прощание.

Константина продолжал вести свои легионы по дороге до самого моря, к городу Аримин не доходя шестьдесят миль Болоньи, он двинулся вдоль берега к Фану, что составило ещё примерно двадцать семь миль. Свернув там, на юго-запад, Константин оказался на знаменитой Фламиниевой дороге, которая вела прямо в Рим. Уже вечерело, войскам нужен был отдых, и Марк, с молчаливого согласия императора, отправил вперёд несколько центурионов выбрать место для лагеря. Небо было покрыто тучами. Внезапно в разрыве облаков показалось солнце. Прошло мгновение, и в небе сформировался огромный яркий крест, в котором светило солнце. Это явление настолько поразило всех, что войска остановились. Многие, очень многие легионеры стали креститься. Константин и Марк смотрели на это действие с изумлением и восхищением. Внезапно Константин тоже перекрестился, как это делали его легионеры, некоторые из них это увидели. Через несколько минут облака сомкнулись и крест исчез. Войска, под впечатлением увиденного продолжили свой путь. Пройдя не более десяти миль, Константин остановил свою армию на отдых. Марк видел, что Константин по-прежнему оставался задумчивым. Он не стал его беспокоить и сам решал все мелкие вопросы присущие постройке боевого лагеря. Когда лагерь был готов, император дал команду войскам отдыхать весь следующий день и молча удалился в свою палатку. Обходя лагерь, Марк слышал, как легионеры живо обсуждают увиденное явление. Все солдаты сошлись на том, что это было послание небес для них, но вот его значение было им не понятно. Проверив караулы, Марк пошёл в свою палатку. В палатке императора, которая стояла рядом, было тихо и Первый трибун отправился к себе отдохнуть перед сражением. До стен Рима осталось половина дневного перехода.

Марк проснулся ещё до восхода солнца. Он отлично выспался, ему снилась Скоря. Она улыбалась и шептала: «Марк, мы ждём тебя, ты вернёшься, ты победишь!». Марк умылся, оделся и вышел из палатки. Утренняя прохлада бодрила его. Птицы уже начинали свой дневной гомон. До пробудки оставалось не более получаса. Марк увидел, что вход в палатку императора был приоткрыт, значит, Константин уже не спал, и Марк решил зайти к своему другу. Внутри палатки императора горел светильник, Константин сидел за столом и что-то рисовал.

– А, Марк, доброе утро, заходи, я уже часа два не сплю, – улыбнулся Константин.

– Доброе утро, рад, что у тебя сегодня хорошее настроение, – произнёс Марк, пожав протянутую руку.

– Мне сегодня приснился сон, а может быть это был вовсе и не сон, который я пытаюсь теперь нарисовать, посмотри вначале, что у меня получилось, а потом я постараюсь тебе всё объяснить.

Марк внимательно посмотрел на Константина. Он заметил в глазах императора блеск, которого никогда раньше не замечал. На листе был начертан рисунок, состоящий из двух греческих букв X и P, наложенных друг на друга.

– Что это значит? – спросил Марк.

– Ты же видел вчера крест, начертанный на небесах?

– Его видели все, вечером я слышал разговоры легионеров о том, что это был знак, только непонятно какой!

– Марк, сегодня ночью ко мне явился Бог, он явил мне новый лабарум с этими буквами и сказал: «*In hoc signo vinces!*».

– К тебе явился Христос и сказал: «С этим победишь!»?

– Думаю, что это был он! – серьёзно ответил Константин.

Марк внимательно посмотрел на императора. Константин тоже смотрел ему в глаза.

– Марк, всю свою жизнь я был язычником и поклонялся Солнцу, потом я стал внимательно читать книгу Тита Лукреция Кара «О природе вещей» и изучать христианство, и в мою душу закрались сомнения, но кому есть дело до моих сомнений? – Константин задумался. Марк тоже почтительно молчал, вспомнив о том, как его друг воскликнул в Арелате: «С Богом!». Через несколько мгновений Константин продолжил:

– Я веду свои войска на Рим, мои легионы самые сильные в мире. Они преданы мне и умрут за меня, но я хочу, чтобы они шли в смертельное сражение ещё и за свою веру, это придаст им сил.

– Я понимаю тебя, но что конкретно ты хочешь сделать?

– Я хочу реализовать послание Бога!

– Каким же образом ты хочешь рассказать воинам свой сон?

– Мои легионы состоят из ветеранов, я хочу заменить их вексиллумы на новый лабарум, рисунок ты видишь на столе, – твёрдо сказал Константин.

– Ты хочешь, чтобы каждая центурия шла в бой под знаком Христа?

– Да именно так, легионные аквилы мы менять не будем, пусть мои легионные орлы войдут в Рим!

– Командирам легионов ты сам сообщишь о своём решении?

– Да, собери их в своей палатке через полчаса.

– Хорошо, – улыбнулся Марк и вышел. В лагере в это время сыграли побудку.

Когда легаты легионов собрались в штабной палатке, Константин сказал им всего несколько фраз:

– Завтра нам предстоит самая трудная битва, мы впервые будем сражаться с преторианской гвардией. Вчера мы все видели в небе крест, я думаю, что это был знак свыше. Я хочу, чтобы мои доблестные легионы в этой битве не потеряли друг друга и шли в бой под этим знаком. Марк Флавий всё объяснит вам.

Константин внимательно посмотрел на своих легатов, он нисколько не сомневался, что его правильно поймут, поэтому кивнул Марку и вышел из палатки. Константин прошёлся по лагерю и через полчаса вернулся к себе. В палатке его ожидал Марк, легаты ушли выполнять приказ императора.

– Я не стал им говорить о твоём сне и сделал акцент на том, что новые лабарумы помогут отличать в бою свои центурии от центурий противника, – улыбаясь, произнёс Марк.

– Ты всё правильно сделал, – задумчиво произнёс Константин.

– Что тебя гложет?

– Если Максенций останется в Риме, нас может постигнуть участь Ганнибала.

– Не думай об этом, Ганнибал нёс Риму беды и разрушения, ты же идёшь освобождать римский народ от тирана.

– Это всё может остаться лишь высокими словами, если моим легионам придётся осаждать Рим и причинять ему разрушения, – произнёс Константин.

– Будем надеяться, что Максенций не останется в Риме, – тихо произнёс Марк. Он видел, что Константин достаточно сильно озабочен этим фактором, поэтому решил не мешать своему другу. Сославшись на дела, Марк вышел из палатки императора.

Ближе к вечеру в палатку к Марку зашёл префект Амплий Валерий. В руках у него был щит, почему-то завёрнутый в тряпку.

– Приветствую тебя Марк Флавий, – громко поздоровался он.

– Добрый день Амплий Валерий, – улыбнувшись, поздоровался Марк.

– Марк, мы христиане видели вчера знак небес, и мы очень рады тому, что наш император решил идти освобождать Рим от тирана под знаком Христа!

После этих слов он развернул свой щит, на котором белой краской была нанесена монограмма ХР. Марк смотрел на седого префекта и понимал, что теперь легионы Константина становились ещё сильнее, и он спросил:

– Эту монограмму нанесли только христиане?

– Не только, но если сейчас я вынесу свой щит открытым, завтра вся армия будет со знаком Христа.

– Я думаю, что именно это и хотел император, но приказать вам этого он не в силах, – сказал с улыбкой Марк.

– Тогда я пойду, – ответил довольный префект и вышел, открыто неся свой щит.

Вечером Марк увидел, что все легионеры нанесли монограмму на свои щиты. Немного подумав, Марк нанёс монограмму на свой щит. После того как краска высохла, он взял свой щит и зашёл в палатку Константина.

– Легионы нанесли твой сон себе на щиты! – сказал Марк, сидящему за столом императору.

– Как это всё произошло, – удивился Константин.

– Всё просто, – усмехнулся Марк, – ко мне зашёл префект италийский добровольцев Амплий Валерий и показал свой щит с монограммой, христиане решили сражаться не только под знамёнами Христа, но и с его именем на щитах!

– Поразительно, и что было дальше?

– Он сообщил мне, что если император разрешит нанести эту монограмму христианам, то и все остальные легионеры пойдут в сражение с ней, и я разрешил, от твоего имени.

– Марк, ты хоть представляешь, что это значит? – радостно воскликнул Константин.

– Это значит, что за один день твои войска стали сильнее в два раза, а может быть и больше.

– Марк, христианство это религия, которая способна объединять совершенно разных людей в единое целое, – возбуждённо говорил Константин, прохаживаясь по палатке, – я много

читал и думал о христианстве, но впервые увидел её в действии. Величие этой религии сопоставимо с величием Рима!

– Тогда я думаю, что тебе тоже стоит нанести свой сон себе на щит, – усмехнулся Марк.

– Конечно, конечно, – произнёс Константин, над чем-то размышляя.

– Я сейчас дам команду, – спросил Марк.

– Нет, я это сделаю своей рукой, – император остановился у стола с картой Рима, – Марк, завтра подъём за два часа до рассвета, – произнёс Константин, о чём-то задумавшись. Марк кивнул и вышел из палатки императора.

Спустя несколько часов легионы выступили из лагеря по Фламиниевой дороге на Рим. Во главе колонны двигался император Константин, на щите которого, как и у всей его армии была монограмма ХР. На рассвете разведчики сообщили Константину сведения, полученные от местных жителей о том, что Мульвийский мост разрушен, а ниже по течению сооружена понтонная переправа. Константин, не останавливая стремительное движение своих войск, сообщил Марку свой план предстоящего сражения.

Максенций проснулся, когда солнце уже поднялось над Форумом, вернее даже не проснулся, а оторвался от влажных от пота простыней. Он заснул перед самым рассветом, ему снились какие-то кошмары. Сегодня должно было произойти то, что, либо прославит его на века, либо погубит. Из-за этой неопределённости Максенций чувствовал себя не в своей тарелке. Всю неделю в городе продолжались волнения. Народ был недоволен присутствием в городе преторианцев. Они собирались возле их казарм и кричали: «Позор!», «Наёмники!», «Уходите в свой лагерь!», как будто кто-то невидимый руководил ими. Даже когда преторианцы ушли из своего лагеря к Мульвийскому мосту, толпа собиралась возле его личной охраны и продолжала кричать, теперь уже: «Уходите за Тибр!». Вчера, возле его дворца, целый день толпа кричала, уже обращаясь к нему: «Максенций! Константин у ворот, иди и сразись с ним, если ты император!». Как всё изменилось за последний месяц, Максенций вздохнул, ему так не хотелось покидать свой уютный дворец.

Послышался какой-то шум, Максенций выглянул в окно балкона, но ничего не увидел. В это время к нему вошёл посыльный со свитком и сказал:

– Вам сообщение!

– Давай!

Он быстро развернул свиток, в нём было написано: *«В этот день должен погибнуть враг римлян».*

Это было прорицание из Книг Сивилла, но как его понять.

– Что там за шум? – спросил он посыльного.

– Я не знаю, – пожал тот плечами.

Движением руки Максенций отпустил его, а сам задумался над прорицанием. Кто сейчас враг римлян? Если бы я был врагом, то римляне давно бы меня свергли или убили, но этого не произошло! Значит враг не я, а тот, кто стоит у ворот Рима, а у ворот скоро будет Константин! Он враг и он сегодня погибнет! Максенций улыбнулся, его унылость исчезла, в нём стала закипать энергия. Он должен быть там, где сегодня погибнет его враг и враг Рима! Он обязательно должен быть на острие славы, иначе её кто-нибудь перехватит!

Максенций позвал прислугу и стал одевать свои императорские золотые доспехи. Через полчаса он, в полном обмундировании с багряным императорским плащом на плечах, вышел из дворца. Оседлав чёрного скакуна Максенций в сопровождении охраны и под крики толпы: «Слава Риму! Слава императору!» отправился к Мульвийскому мосту.

Со стен Рима за его отъездом наблюдало несколько пар глаз. Нумерий довольно улыбался. Префект Рима Гай Цейоний Руфий Волузиан спросил у своего претора:

– Клавдий, ты не находишь, что ситуация очень похожа на ту, которая сложилась под Турином?

– Я надеюсь, вы не будете закрывать ворота? – ответил Клавдий Валерий.

– Закрыв ворота, туринцы сделали свой выбор, мы же примем любой результат сражения ибо, приняв чью-либо сторону сейчас, мы принесём страдания горожанам и разрушения Риму.

– Вы как всегда правы, – произнёс Клавдий Валерий, с уважением глядя на своего начальника.

Наблюдая за удаляющейся кавалькадой Максенция, префект Рима произнёс:

– Императоры приходят и уходят, Рим вечный город, поэтому я всегда служил, и буду служить только Риму!

Максенций переправился через Тибр по узкому настеленному на лодках мосту и подъехал к своим войскам. В центре стояла его гвардия преторианцы, на правом фланге гарнизонные подразделения и недавно набранная пехота, на левом фланге азиатская конница. Это была внушительная сила, всего около ста тысяч воинов, войска приветствовали своего императора, но как-то без особого восторга. Разведчики донесли о приближении противника. Максенций занял своё место на левом фланге во главе своей азиатской конницы, ну и поближе к понтонной переправе.

В просвете дороги впереди Константин увидел ряды войск противника. Остановив свою колонну прямо на дороге и подождав Марка Флавия, он обмолвился с ним всего парой фраз:

– Марк, как мы и договорились, я с тремя легионами иду на прорыв левого фланга, ты наносишь удар по правому флангу, окружаешь преторианцев и связываешь их, если у меня получится, я прорываю левый, захватываю переправу и на плечах противника врываюсь в Рим!

– Я всё понял, – кивнул Марк.

– Тогда с Богом!

– С Богом Константин!

Константин вынул свой меч и помчался вперёд, следом за ним его тяжёлая галльская конница.

Наконец Максенций увидел кавалерию противника на дороге. Вместо того чтобы остановиться, конница на ходу повернула прямо на его фланг и уже в движении стала перестраиваться в клин. В острие этого клина он увидел крупного всадника в пурпурном плаще. Личная охрана только успела увести Максенция вглубь строя, как эта лавина обрушилась на его войска. В руках атакующих всадников оказались палицы, которыми они весьма искусно стали крушить его азиатскую неповоротливую конницу. Не прошло и получаса, как строй его кавалерии дрогнул, стал рассыпаться, а затем и вовсе стал отступать. Максенцию пришлось подчиниться общему движению массы. Стражники стали отводить его к переправе. Император увидел, что с другого фланга его армии началось массовое отступление гарнизонной пехоты. Все отступающие устремились к понтонной переправе, возникла паника, давка. Уже никто не обращал на императора Максенция внимания, он с трудом добрался до переправы. На самой переправе Максенций оглянулся. Он увидел, что его войска бегут, все, кроме преторианцев. С высоты берега на него смотрел и улыбался тот крупный всадник в пурпурном плаще, видимо это и был император Константин. Внезапно конь под Максенцием оступился и стал падать, вместе с ним в воду полетел и он. Последнее о чём успел подумать император Максенций, было: «Вот и сбылось пророчество!», и воды Тибра сомкнулись над ним.

Константин сразу заметил всадника в тяжёлых дорогах позолоченных доспехах, видимо это был Максенций. Когда его войска сокрушили и обратили в бегство левый фланг противника, он не стал захватывать переправу, а решил помочь Марку Флавию справиться с преторианцами. В это время он опять увидел Максенция на переправе, их взгляды на секунду

встретились, затем тот вместе с конём упал в воду. Константин немного подождал, но видимо тяжёлые дорогие доспехи утащили Максенция на дно. Константин повернул своего коня в гущу сражения. К этому времени Марк Флавий обратил в бегство правый фланг противника и замкнул кольцо вокруг отчаянно сражавшихся преторианцев. Несомненно, это были профессионалы высокого класса, находясь в полном окружении, они продолжали умело сражаться, даже не думая сдаваться. Галлам никак не удавалось разорвать их строй. Тогда Константин отвёл свободную от схватки тяжёлую конницу, построил её в клин, затем направил этот клин на большой скорости в гущу противника. По команде его войска расступились, и клин врезался в строй преторианцев. Константину удалось нарушить строй преторианцев, в образовавшиеся разрывы бросились разъярённые галлы и стали крушить преторианцев своими палицами. Однако только к вечеру, устав от сражения и поняв всю безысходность своего положения, преторианцы прекратили сопротивление и сдались. У Мульвийского моста раздался победный клич легионов Константина.

Марк Флавий устало бросил меч в ножны, это была самая трудная битва в его жизни. Он огляделся. Вокруг сидели, порой рядом, победители и побеждённые, устали все. Марк направил своего коня на запад к понтонной переправе, туда, где сражался Константин. Безразличное вечернее солнце освещало ужасные последствия сражения. Объезжая убитых Марк, молча с улыбкой, поднимал руку, отвечая на приветствия живых. Дав немного отдохнуть своим солдатам, центурионы начали подавать команды. У победивших и выживших наступали обычные военные будни. Константина Марк увидел сидящим на берегу Тибра возле переправы, он смотрел на темнеющие вдали холмы, там был Рим.

– Рад тебя видеть Константин, с победой, – произнёс Марк, садясь рядом.

– И тебя с победой, мне уже сообщили, что ты жив, – улыбнулся император.

– Рим большой город, – кивнул Марк на крепостные стены, виднеющиеся на холмах вдали.

– Да, я даже не представлял себе, насколько он велик!

– А что ищут солдаты на берегу? – спросил Марк, кивнув на легионеров бродивших по берегу ниже по течению от переправы.

– Ищут тело Максенция, – ухмыльнулся Константин.

– Как он погиб?

– Упал с моста!

– Где будем разбивать лагерь?

– Марк, возьми с собой воинов и отправляйся в Рим, – Константин внимательно посмотрел в глаза Марку, – сообщи им о гибели Максенция.

– Почему ты не хочешь сделать это сам?

– Я войду в Рим только с головой тирана, – улыбнулся Константин, – прости, наверное, я должен был сообщить тебе об этом раньше, у тебя в Риме есть сын, Аврелий!

– Как сын, откуда сын! – воскликнул Марк.

– Известно откуда, – усмехнулся Константин.

– Лукреция!

– Да, кажется, так зовут эту женщину, но ты не беспокойся с ней всё хорошо, она счастлива с твоим другом претором Клавдием Валерием, – произнёс Константин, глядя Марку в глаза.

– Мне ничего не известно об этом, – спокойно произнёс Марк.

– Прости, что не сообщил тебе об этом сразу, как узнал, но ты находился далеко от Рима и был там счастлив.

– Я и сейчас счастлив, и теперь даже не знаю, как мне к этому относиться, но я хотел бы увидеть своего сына, – растеряно произнёс Марк.

- Поезжай в Рим и разбирайся в своих чувствах на месте, – улыбнулся Константин.
- Хорошо, – произнёс Марк, вставая, – сколько мне взять с собой воинов.
- Сколько сочтёшь необходимым, только не забудь умыться, да и скажи, чтобы уже сегодня из Рима отправили посыльных в Арелат сообщить моей жене о моей победе!

Через полчаса Марк Флавий в сопровождении трёх сотен воинов отправился по Фламиниевой дороге к воротам Рима. Было уже темно и воины зажгли полсотни факелов. Марк ехал впереди отряда и размышлял не об историческом значении происходящего, он вслушивался в себя. Конечно, его взволновала новость о сыне, но душа совсем не ликовала. Не было того ощущения счастья, в котором его душа парила, когда рождались их со Скорой дети. Нет, такого ликования не было. Было только ощущение радости, что у женщины, с которой ему было когда-то хорошо, всё удачно сложилось в жизни.

С башни у ворот Рима за движением отряда, который благодаря факелам был хорошо виден, наблюдали префект и его подчинённый претор, чуть в стороне стоял сенатор Нумерий.

- Как ты думаешь, к нам следует император Константин? – спросил Гай Волузиан.
- Не знаю, – задумчиво ответил претор Клавдий Валерий, глядя на приближающихся всадников.
- Пожалуй, надо спуститься к воротам, – громко произнёс сенатор Нумерий.
- Что-то вы сильно торопитесь встречать нового императора, – усмехнулся префект.
- Солдаты сказали, что видели, как Максенций упал в воду и больше его никто не видел, – невозмутимо ответил Нумерий, подойдя почти вплотную к префекту и глядя ему в глаза, добавил, – мне, так же как и вам, всё равно кто будет императором, потому что мы оба всегда заботимся о величии Рима, только каждый по своему.

Глава IV

Подъехав к воротам Рима, Марк увидел, что его встречают несколько человек. Они стояли в окружении воинов с факелами. Спрыгнув с лошади Марк подошёл к ним. Среди встречающих он увидел претора Клавдия Валерия, улыбнувшись своему другу, и обращаясь к стоящему в центре седому с благородным лицом римлянину, громко произнёс:

– Я Марк Флавий, Первый трибун Римской империи! Я прибыл от имени императора Константина! С кем я говорю?

– Меня зовут Гай Цейоний Руфий Волузиан, я префект Рима, – ответил седой римлянин, – это сенатор Нумерий Тулиус, а это претор Клавдий Валерий!

– По поручению императора Константина я сообщаю вам о том, что император Максенций мёртв, он утонул в Тибре! Его войска разгромлены, восемьсот преторианцев и пять тысяч солдат сдались в плен! – торжественно произнёс Марк. Глядя на присутствующих, он ждал их реакцию.

– О том, что Максенций утонул нам уже известно, Рим не будет закрывать ворота перед императором Константином, – с достоинством произнёс префект Гай Волузиан, – мы признаём его своим августом.

После этих слов префект протянул Марку руку. Первый трибун пожал руку префекта со словами:

– Император Константин войдёт в Рим только после того, как найдут тело Максенция!

Марк пожал руку Нумерия, который спросил:

– Тиберий Гай Луциус здесь?

– Нет, он в Арелате, – ответил Марк, – и, обращаясь к префекту, произнёс, – Император Константин просил сегодня же отправить посыльных в Арелат сообщить об этой победе его жене, – и уже для сенатора, добавил, – А префект претория Тиберий Гай Луциус прибудет в Рим вместе с ней.

После этого Марк поздоровался со своим другом претором Клавдием Валерием. Они обнялись, похлопали друг друга по спине.

– Марк, дружище, я так рад тебя видеть!

– Я тоже рад тебя видеть в добром здравии! – улыбался Марк.

– Что со мной тыловой крысой может случиться, это у тебя жизнь полна подвигов и приключений!

– Какие подвиги, я просто солдат, это моя работа!

– Ты уже генерал, а такие должности в римской армии просто так не дают! – улыбался Клавдий.

Префект Рима и сенатор, наблюдая эту сцену радости встречи старых друзей, застыли в изумлении, видимо их поразила та неподдельная искренность, которая не так часто встречалась в жизни Рима. Клавдий и Марк заметили это и опустили руки:

– Марк, нам надо поговорить.

– Сегодня мне необходимо вернуться к императору, но завтра я буду в Риме.

– Марк я хотел тебе сказать, мы с Лукрецией...

– Я всё знаю Клавдий, и я рад за вас, давай не сегодня, – улыбнулся Марк.

– Хорошо, – улыбнулся Клавдий, – когда ты приедешь?

– Точно не могу сказать, я найду тебя завтра в преториате, – кивнул Марк, – а теперь мне надо сообщить моему императору об окончании войны в Италии! – с этими словами Марк вскочил на лошадь, и победно подняв правую руку, поскакал обратно к Мульвийскому мосту.

Выставив усиленные караулы, Константин не стал давать команду строить лагерь для своих легионов. Воины поставили палатки, поужинали и легли отдыхать. Пленным, собрав их в одном месте, разрешили развести костры. Марк с воинами подъехал к лагерю, стояла удивительная тишина, ярко светила Луна, слегка подмораживало. Солдаты уже спали, только караульные, позёвывая, бродили между палаток. Охрана Марка отправилась отдыхать, он же направился к Константину. В его палатке горел светильник. Марк зашёл в палатку к императору. Константин сидел за столом и что-то читал. Увидев Марка, он улыбнулся и спросил:

– Ну, как там Рим?

– Рим у твоих ног, Константин!

– Почему ты так решил?

– Префект Рима открыл ворота для тебя!

– А что на это сказал Сенат?

– Сенатор Нумерий Тулиус хотел приветствовать тебя лично, – улыбаясь, произнёс Марк.

Константин тоже улыбнулся:

– Скажи, Марк, ты ведь даже не предполагал, что меньше чем через два месяца мы будем в Риме?

– Честно говоря, я думал, что этот поход продлится гораздо дольше!

– Как ты думаешь, в чём причина?

– Твой военный талант, плюс благоприятное стечение обстоятельств, – ответил Марк, глядя императору в глаза.

– Мне кажется, есть что-то ещё, – задумчиво произнёс Константин.

Марк смотрел на своего друга и понимал его переживания. Константин был отличным солдатом и военным стратегом, теперь уже лучшим в Римской империи. Он занимался обустройством жизни народов Галлии и Британии, но вот политикой всей империи ему заниматься, ещё не доводилось. Константин никогда не был в Риме, и предстоящая встреча с вечным городом в какой-то степени волновала его. Чтобы успокоить своего друга, Марк произнёс:

– Твои воины были лучшими в мире ещё до похода на Рим, ты сам отличный стратег, в твоей победе нет ничего божественного и там, в Риме, тебе придётся иметь дело с обычными людьми, а не с богами.

– Ты полагаешь, что Бог тут ни при чём?

– Если ты считаешь свою победу чудом, то это чудо ты сотворил сам!

– Мои легионы шли в бой с именем Христа на щитах и победили превосходящего противника!

– Могу тебя немного охладить, когда ты с марша развернул свою конницу для удара по левому флангу, в тыл к тебе устремилась лёгкая кавалерия Максенция с правого фланга. Я, как ты понимаешь, начал атаку позже тебя и едва успел сковать эту кавалерию боем, неизвестно чем бы закончилось сражение, если бы кавалерия противника ударила тебе в тыл! Выходит Бог тут ни при чём, всё дело в твоём военном таланте и в обычном везении.

– Возможно, ты прав, – кивнул Константин, – что-то я устал сегодня.

– Честно говоря, я бы тоже поспал, – зевнул Марк.

– Тогда, до завтра!

Марк ушёл в свою палатку и сразу уснул. Константин опять развернул свиток. Это были сочинения Плутарха об Александре Македонском, он прочитал:

«Фессалиец Филоник привёл Филиппу Букефала, предлагая продать его за тринадцать талантов, и, чтобы испытать коня, его вывели на поле. Букефал оказался диким и неукротимым; никто из свиты Филиппа не мог заставить его слушаться своего голоса, никому не позволял он сесть на себя верхом и всякий раз взвивался на дыбы. Филипп рассердился и приказал увести Букефала, считая, что объездить его невозможно. Тогда присутствовавший при

этом Александр сказал: «Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его». Филипп сперва промолчал, но когда Александр несколько раз с огорчением повторил эти слова, царь сказал: «Ты упрекаешь старших, будто большие их смыслишь или лучше умеешь обращаться с конём». «С этим, по крайней мере, я справлюсь лучше, чем кто-либо другой», – ответил Александр. «А если не справишься, какое наказание понесёшь ты за свою дерзость?» – спросил Филипп. «Клянусь Зевсом, – сказал Александр, – я заплачу то, что стоит конь!» Поднялся смех, а затем отец с сыном побились об заклад на сумму, равную цене коня. Александр сразу подбежал к коню, схватил его за узду и повернул мордой к солнцу: по-видимому, он заметил, что конь пугается, видя впереди себя колеблющуюся тень. Некоторое время Александр пробежал рядом с конём, поглаживая его рукой. Убедившись, что Букефал успокоился и дышит полной грудью, Александр сбросил с себя плащ и лёгким прыжком вскочил на коня. Сперва, слегка натянув поводья, он сдерживал Букефала, не нанося ему ударов и не дёргая за узду. Когда же Александр увидел, что норов коня не грозит больше никакою бедой и что Букефал рвётся вперёд, он дал ему волю и даже стал понукать его громкими восклицаниями и ударами ноги. Филипп и его свита молчали, объятые тревогой, но когда Александр, по всем правилам повернув коня, возвратился к ним, гордый и ликующий, все разразились громкими криками. Отец, как говорят, даже прослезился от радости, поцеловал сошедшего с коня Александра и сказал: «Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!»¹

Константин улыбнулся, отложил свиток и лёг спать. Он долго ворочался, но затем уснул крепким сном победителя.

Утром следующего дня Константин построил свои легионы и сообщил об успешном завершении этой военной компании. Легионы долго и бурно приветствовали своего императора. В это время со стороны Рима к лагерю подъехало несколько колесниц знатных римлян в сопровождении небольшого отряда воинов преторской когорты. Они были остановлены караулом. В числе прибывших, был префект Рима и четыре сенатора. Спешившись и оставив свою охрану, они были препровождены в палатку императора. Константин встретил прибывших римлян стоя возле стола. Марк наблюдал за императором. В нём появилось нечто неуловимо новое. Нет, он не возвышался над другими, но его манера общения не позволяло римским чиновниками даже подумать о том, что они когда-либо смогут стать его друзьями. Это было внутренне осознанное величие. С учётом вчерашнего разговора с Константином, Марк понял, что это просто защитная реакция человека, покоровшего Рим, но совсем не знавшего его. Между тем Константин объявил, что не будет проводить каких-либо наказаний в отношении солдат и чиновников Максенция, за исключением членов семьи бывшего императора. Все пленённые воины будут отпущены, за исключением преторианцев, которым предстояло самим уничтожить свой лагерь. Отныне преторианская гвардия упразднится навсегда, вместо неё у него уже создана дворцовая стража во главе с Колояром. После этого император дал понять, что визит чиновников Рима завершён.

Выйдя из палатки Константина, сенаторы и префект молча направились к своим колесницам. Префект размышлял о том, что видимо работать с новым императором ему будет легче. Он слышал, что Константин во всём старается придерживаться законов. Нумерий радовался тому, что он вовремя сориентировался и устремил свой взор на Константина. Это поможет ему сберечь деньги и имущество, необходимо только дождаться префекта претория Тиберия, который сможет подтвердить его лояльное отношение к новому императору. Надо будет присмотреться к Марку Флавию, по всей видимости, он очень близок к Константину, а близость

¹ Плутарх. Жизнеописания. Александр. Глава 6.

к властелину всегда приносит хорошие дивиденды, надо только понимать в чём они. Подойдя к колесницам Нумерий, обращаясь ко всем, сказал:

– Думаю, что завтра на заседании Сената необходимо поднять вопрос о триумфе для императора Константина.

– Триумф, на каком основании? – спросил один из сенаторов, – он, что убил пять тысяч врагов или защитил Рим от варваров?

– Константин освободил Рим от тирана! – торжественно произнёс Нумерий.

– Нумерий, ещё месяц назад ты пил вино во дворце вместе с тираном, – усмехнулся другой сенатор.

– Сейчас это уже ничего не значит! – загадочно улыбнулся Нумерий.

– Конечно, золото не пахнет, – тихо произнёс третий сенатор.

– Ты что-то сказал Валерий? – спросил Нумерий.

– Я подумал, во сколько обойдётся этот триумф, – усмехнулся Валерий.

– Ну, вот завтра и решим в Сенате, – произнёс Нумерий, садясь в свою колесницу.

Сенаторы и префект, стегнув лошадей, поехали в Рим.

Марк шёл вместе с претором Клавдием Валерием к нему домой, вернее, в дом, где когда-то жил он сам, но сейчас не это его волновало. Марк внимательно прислушивался к себе. Ведь это был Рим, его родной город. Трепет в душе, конечно был, но где-то очень далеко. Они шли по улице Аргилет. Всё было ему здесь знакомо, даже торговцы были те же самые. Один из них даже узнал его и поздоровался. Волноваться Марк стал, когда подошли к дому. Видимо его уже ждали. На ступеньках возле двери стояла Лукреция с дочкой на руках, и держала за руку сына, его сына, Аврелия. Марк пропустил вперёд Клавдия. Тот поцеловал жену, взял на руки и зашёл в дом. Марк молча смотрел на Лукрецию и сына. Лукреция улыбнулась, подошла и поцеловала Марка по-дружески в щёку:

– Здравствуй Марк, очень рада тебя видеть, – произнесла она и немного смутилась порозовевшими щёчками.

– Здравствуй Лукреция, я тоже рад тебя видеть, отлично выглядишь, – ответил Марк и перевёл взгляд на мальчика, который смотрел на него с детским восторгом.

– А это, мой сын Аврелий, мы с мужем много рассказывали ему о тебе, – улыбнулась Лукреция, поглаживая сына по головке, – он мечтает стать легионером и воевать с варварами где-нибудь на границе империи.

– Твой отец отличный солдат, – улыбнулся Марк и протянул руку Аврелию. Мальчик засмутился и спрятался за ноги матери.

– Нет, он хочет стать похожим на генерала Марка Флавия, – улыбнулась Лукреция.

– Тогда ему надо быть немного смелее, – Марк присел и опять протянул руку сыну. Мальчик вышел из укрытия, и Марк взял его к себе на руки. Аврелий сразу успокоился и стал рассматривать и трогать доспехи Марка.

– Как ты живёшь? – спросила Лукреция.

– Всё хорошо, у меня трое детей, два сына и дочка.

– Молодец, я рада за тебя, мы с Клавдием уже думаем над сыном.

– Лукреция прости меня, что так всё получилось, – немного виновато произнёс Марк.

– Марк, ты солдат и выполнял свой долг, всё, что с тобой произошло наверно и должно было произойти. Самое главное ты счастлив, и я обрела своё счастье, – произнесла Лукреция, глядя на сына, который сосредоточено что-то рассматривал в доспехах Марка, – Аврелий очень похож на тебя!

– Я уже заметил, – тихо сказал Марк.

– Ладно, пошли в дом, я сохранила твою библиотеку, – улыбнулась Лукреция, открывая дверь. Марк опустил сына на землю и вошёл в дом.

Марк, отпустив повода, возвращался из Рима в лагерь Константина. Прохладный зимний ветер немного обжигал лицо, но Первый трибун Римской империи совершенно не замечал этого. Охрана держалась позади него на почтительном расстоянии. Марк опять прислушивался к своим ощущениям. Только что, он держал на руках своего собственного сына, свою плоть и кровь. Да, он ощутил такой же трепет в душе, который испытал, когда брал на руки их со Скорой сыновей, но вот, пожалуй, тепла такого же в душе не было. Конечно это его сын, но Клавдий с Лукрецией уговорили его, чтобы Аврелию об этом стало известно, только когда ему исполнится шестнадцать лет. Аврелий считает Клавдия своим отцом, пусть это так и остаётся. В душе Марка начала рождаться какая-то тревога. Его мысли полетели туда, где сейчас находилась Скоря. Его нестерпимо потянуло к своей семье. Ему не нужен был Рим, со всем его величием, он хотел туда, где ждало его собственное счастье. Марк знал, почему это чувство обострилось именно сейчас. Он был солдат и в походе, конечно же, скучал без семьи, но сейчас поход успешно завершён. Неожиданная встреча с сыном, только усилила его желание быстрее вернуться к своей семье, потому что, да, потому что дороже их, у него в жизни ничего нет, НИЧЕГО! Марк улыбнулся и понял, что он будет сейчас делать.

Константин внимательно посмотрел на вошедшего Марка и жестом предложил ему сесть, напротив себя за столом.

– Я знал, что этот разговор у нас когда-нибудь состоится, но не думал, что именно сегодня, – произнёс Константин, глядя Марку в глаза.

– Ты проникательный человек, но мне кажется, что наш разговор и должен был состояться, именно после того, как я познакомлюсь со своим старшим сыном, – ответил Марк.

Константин встал и, прохаживаясь по палатке о чём-то думал. Марк тоже почтительно молчал, он уже всё для себя решил, но не хотел обижать друга, поэтому ждал, что скажет Константин. Между тем император подошёл к выходу и, откинув полог палатки, смотрел на лагерь своих воинов.

– Тело Максенция ещё не нашли, – произнёс он, не оборачиваясь.

– Возможно, его уже занесло илом, течение в Тибре достаточно сильное.

– Может быть ты и прав, – многозначительно произнёс Константин, повернувшись к Марку.

Марк уловил это и переспросил:

– Ты насчёт чего?

– Я хотел сделать тебя вторым, после себя человеком в империи!

Марк совершенно серьёзно ответил:

– Не обманывай себя, второй после тебя уже есть, и ты знаешь кто он!

– Ты очень умный и очень честный человек, Марк, – улыбнувшись, ответил император, – но самое главное твоё достоинство, ты не тщеславен! – произнёс Константин, глядя Марку в глаза.

Немного подумав, Марк ответил:

– Крисп, твой сын, второй человек в Римской империи, Колояр рассказывал, что из него получится хороший воин. Думаю, что он унаследует все твои способности великого полководца.

– Крисп ещё мал и я владею пока лишь западной частью империи, – тихо произнёс Константин.

– Дети растут очень быстро, с тобой будет Тиберий, Колояр, твоя семья. С тобой остаются твои легионы, которые вдохновлены твоими победами и новым Богом!

– Ты же вчера говорил, что Бог тут ни при чём! – улыбнулся Константин.

– Я говорил это про тебя лично, но если твои воины идут в бой с именем Христа и побеждают, то не стоит им мешать в этом! – уверенно произнёс Марк.

Константин тепло посмотрел на своего друга, его поражало то, как часто совпадали их взгляды на многие вещи. Душа Марка была чиста и созвучна его собственной душе, но Марк был честнее к самому себе, и это притягивало к нему. Да, видимо пришло время им расстаться, каждый пойдёт своей дорогой, но они никогда не перестанут быть друзьями. Константин знал это и тихо спросил:

– Когда ты намерен уехать?

– Я дождусь приезда Колояра, мне ещё надо сделать кое-какие закупки, улыбнулся Марк.

Сильно раздувшееся тело Максенция нашли через два дня. Его голова была отделена от туловища и отправлена в Рим. Константин приказал префекту Рима отправить голову низложенного императора в римскую провинцию Африка, дабы показать местным народам, кто теперь является правителем империи. Ещё через два дня в лагерь Константина прибыла его семья под охраной воинов Колояра и в сопровождении префекта претория Тиберий Гая Луциуса. Все они были размещены в палатках. В тот же день сенатор Нумерий Тулиус поспешил предстать перед новым императором, надеясь на хорошую протекцию префекта претория. Константин принял сенатора у себя в палатке.

– Приветствую тебя август, – обратился Нумерий к сидящему возле стола Константину, рядом с которым стояли Колояр и Тиберий.

– Я тоже приветствую тебя Нумерий Тулиус, – улыбнулся Константин и, встав из-за стола, протянул руку сенатору.

Пожав руку императора, Нумерий остался стоять, в то время, как Константин вернулся на своё место, не предложив ему сесть рядом. Из чего быстрый ум Нумерия сделал вывод, что до полного расположения к нему императора ещё очень далеко.

– Тиберий рассказал мне о той помощи, которую ты оказывал нам при дворе Максенция, – сказал Константин.

– Я делал всё, что было в моих силах август, – неуверенно улыбнулся Нумерий.

– Я постараюсь не забыть об этом, – сухо произнёс Константин.

– Сенат принял решение воздать соответствующие почести новому императору в виде триумфа!

– Что об этом говорит римский закон? – улыбувшись, спросил Константин.

– Триумф впервые в истории Рима будет организован не в честь императора завоевателя, а для императора освободителя!

– Хорошо, но больше никакой крови.

– Бои гладиаторов отменить?

– Да, вместо них организуйте скачки!

– Для римского зрителя одних скачек будет мало, – ухмыльнулся Нумерий.

– Что вы предлагаете?

– Бои гладиаторов с хищниками.

– Хорошо я согласен, – кивнул Константин.

– Когда вы войдёте в Рим?

– Завтра в полдень.

– Хорошо, когда следует ожидать вашего выступления в Сенате.

Тиберий Гай Луциус улыбнулся, отметив для себя, как Нумерий перешёл на «ВЫ» обращаясь к императору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.